

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЧГУ»)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЕ

КОНЦЕПТОСФЕРА ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ УРАЛЬСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

Выпускная квалификационная работа

Направление подготовки: 44.04.01 Педагогическое образование

Профиль: Литературное образование

Квалификация (степень): магистр

Выполнил(а):
Студент(ка) группы ОФ-215/122-2-1
Самойловских Екатерина Андреевна

Научный руководитель:
Маркова Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук, профессор

Работа рекомендована к защите
«__» _____ 2016 г.
Зав. кафедрой литературы и МОЛ
Д.ф.н., профессор Маркова Т.Н. _____

Челябинск
2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. УРАЛЬСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ.....	9
1.1. Феномен Уральской поэтической школы.....	9
1.2. Творчество М. Никулиной и Н. Ягодинцевой в контексте уральской поэтической школы.....	16
1.3. Художественный концепт как инструмент анализа поэтического текста	26
ГЛАВА II. КОНЦЕПТОСФЕРА ЖЕНСКОЙ УРАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ.....	35
2.1. Концепты «время» и «вечность».....	35
2.2. Концепты «любовь» и «смерть».....	50
2.3. Концепты «вода» и «камень»	69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	84
<i>Приложение 1</i>	101

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Уральская поэтическая школа в настоящее время становится предметом научных исследований. Об этом свидетельствуют недавно прошедшие конференции: «Уральское поэтическое движение (1981–2013): история, аналитика, прогнозы» 24-25 сентября 2014 года в Екатеринбурге, «Уральская поэтическая школа» в рамках VIII всероссийской научной конференции с международным участием «Литература в контексте современности» 10-11 декабря 2015 года в Челябинске, регулярно публикуемые научные статьи М. П. Абашевой, Н. В. Барковской, М. В. Загидуллиной, Т. Н. Марковой, А. А. Сидякиной, В. В. Федорова и др., действующий сайт www.marginaly.ru.

В данной работе исследуется концептосфера женской уральской поэзии. **Материалом диссертации** стало творчество двух, репрезентативных на наш взгляд, поэтесс — Майи Петровны Никулиной (Екатеринбург) и Нины Александровны Ягодинцевой (Магнитогорск). Обе являются лауреатами многих литературных премий, в частности, имени П. П. Бажова. Их стихотворения вошли в три «Антологии современной уральской поэзии» (1996, 2003, 2011), о поэтессах написаны литературоведческие статьи, в том числе в «Энциклопедии уральской поэтической школы» (2012). **Объект исследования** — стихотворения из 3-х авторских сборников М. П. Никулиной («Мой дом и сад», «Колея», «Бабья трава») и том стихотворений «Избранное» Н. А. Ягодинцевой, вышедший в 2012 году в серии «Библиотека русской поэзии», всего около полутора сотен текстов каждой. **Предметом исследования** являются основополагающие, опорные концепты в творчестве М. П. Никулиной и Н. А. Ягодинцевой в их общекультурном и индивидуально-авторском наполнении.

Цель нашей работы — описать концептосферу женской уральской поэзии; выделить смысловое наполнение концептов и их индивидуальное преломление в поэзии М. П. Никулиной и Н. А. Ягодинцевой.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) уяснить различные представления о понятии «концепт» в лингвистике и литературоведении, выбрать репрезентативных представительниц уральской поэтической школы;
- 2) на материале поэтических текстов выявить наиболее значимые, опорные для женской уральской поэзии концепты;
- 3) описать концептосферу женской уральской поэзии через концептуальные пары;
- 4) дать методические рекомендации использования материала диссертационного исследования в школе.

Избранный нами концептуальный анализ является одним из актуальных методов изучения художественных произведений, который позволяет рассмотреть сущностные составляющие поэтической картины мира женской уральской поэзии. Мы исходим из того, что художественный концепт — это ментальное образование, отражающее особенности авторского типа восприятия, черты языковой творческой личности писателя. Концептосфера — совокупность художественных концептов, складывающихся в художественную картину мира, апеллирующих к сознанию реципиентов, отражающих движение авторской мысли в процессе создания произведения.

Мы использовали **метод** сплошной выборки, тематической классификации, приемы концептуального, лингвистического, статистического, герменевтического, сравнительно-сопоставительного, и мотивного анализа.

Теоретическую базу нашего исследования составили труды Д. С. Лихачева, Н. Ф. Алефиренко, С. А. Аскольдова, Л. Г. Бабенко, В. Б. Волковой, С. Г. Воркачева, В. Г. Зусмана, В. А. Масловой,

Л. В. Миллер, М. М. Полехиной, Ю. С. Степанова, И. А. Тарасовой, В. В. Цуркан и др.; статьи об уральской поэтической школе М. П. Абашевой, Н. В. Барковской, М. В. Загидуллиной, Ю. В. Казарина, В. О. Кальпиди, Т. Н. Марковой, А. А. Сидякиной и др.; а также ряд справочных культурологических и литературоведческих источников.

В качестве **гипотезы** мы выдвигаем следующее суждение: концептосфера женской уральской поэзии представлена следующими парами концептов: «время и вечность», «любовь и смерть», «камень и вода». Последняя пара нам видится важнейшей структуро- и смыслообразующей, определяющей специфику уральской женской поэзии.

Положения, выносимые на защиту.

1. Ядерную зону концептосферы женской уральской поэзии образуют три концептуальные пары: «время и вечность», «любовь и смерть», «камень и вода».

2. «Время» и «вечность» — это универсальные концепты бытия. В творчестве уральских поэтесс мы находим воплощение разных моделей времени: суточного, календарного, психологического, космического. Время у М. Никулиной и Н. Ягодинцевой ассоциируется с течением реки, борьбой света и тьмы, сменой времен года. В природном течении жизни важное место занимает смена времен года двух «переходных» состояний — весны и осени, когда природа меняется с каждым днем, что особенно заметно в уральском климате. Концепт «ночь» традиционно ассоциируется у М. Никулиной и Н. Ягодинцевой с тайной, волшебством и творчеством. При этом особенно важны те моменты бытия, когда у человека появляется желание управлять временем. Космическое время в уральской женской поэзии передается словами: «бесконечность», «бесконечно», «вечный», «вековечный», «вечность». Причем вечность в уральской женской поэзии связана с образом камня, потому что камень и гора остаются неизменными на протяжении многих веков и своей высотой обращены к небу.

3. Универсальные категории бытия «любовь» и «смерть» в поэзии М. Никулиной и Н. Ягодинцевой предьявлены в нераздельности и неслиянности. Это объясняется самой женской натурой, чувствительной и эмоциональной. Любовь к родной земле передается с особым трепетом, присущим женскому сердцу. Концептуальная пара «любовь и смерть» воплощаются в понятии малой родины: Урал — это предмет безграничной ответной любви, место проживания и одновременно место смерти. Обе поэтессы часто прибегают к табуированию смертной лексики, заменяя ее на «нейтральную». Оппозиция любви и смерти ярче всего проявляется в стихотворениях о войне.

4. Центральными в концептосфере женской уральской поэзии в нашем понимании являются концепты «вода» и «камень». Связь «воды» и «камня» — знак неразрывного, органичного сочетания мужского (камень) и женского (вода) начал. С женским началом ассоциируются нежность, душевность, сострадание, верность. Одновременно женской уральской поэзии присущи «мужские» черты: сила, выносливость, стойкость. Именно эта органика нашла воплощение в поэтических текстах Майи Никулиной и Нины Ягодинцевой. Сочетание «воды» и «камня» воплощает идею «мужественной женственности» (таким оксюмороном было охарактеризовано творчество Л. К. Татьяничевой). Несмотря на утвердившийся в русской культуре «суровый» облик Урала, женские стихи о нем излучают тепло, участливость, заботу, материнское отношение ко всему живому.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что впервые литературоведением предпринята попытка изучения концептосферы женской уральской поэзии и намечены пути ее дальнейшего изучения. Результаты данного исследования могут быть использованы при изучении уральской поэтической школы и уральской поэзии в целом на уроках литературы общеобразовательных учреждений, а также при изучении курса русской литературы рубежа XX-XXI веков в

рамках вузовского курса для филологических и других гуманитарных специальностях.

Данная работа была **апробирована** на заседаниях кафедры литературы и методики обучения литературе, VIII Всероссийской научной конференции с международным участием «Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре» (10-11 декабря 2015 года, Челябинский государственный педагогический университет). **Основные положения работы** представлены в следующих публикациях:

1) Самойловских, Е. А. Концепт «вода» в современной женской уральской поэзии / Е. А. Самойловских // Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: сб. материалов VIII Всероссийской научной конференции с международным участием (Челябинск, 10-11 декабря 2015 г.) / отв. ред. Т. Н. Маркова; Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск, 2015. — С. 179-182.

2) Самойловских, Е. А. «Концепты «вода» и «камень» в уральской женской поэзии (М. Никулина, Н. Ягодинцева)» / Е. А. Самойловских, Т. Н. Маркова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета (ВАК). — 2016. — № 4.

Структура работы представлена введением, двумя главами — теоретической и аналитической, заключением, библиографическим списком и приложением. В первой главе «Уральская поэтическая школа и проблемы ее изучения» описывается уральская поэтическая школа, место М. П. Никулиной и Н. А. Ягодинцевой в ней, раскрываются понятия «художественный концепт», «концептосфера». Во второй главе «Концептосфера женской уральской поэзии» подробно описаны концептуальные пары, составляющие концептосферу уральской женской поэзии: «время и вечность», «любовь и смерть», «камень и вода». В качестве приложения даны методические рекомендации по проведению внеклассного мероприятия «Литературная гостиная „Творчество уральских

поэтесс М. Никулиной и Н. Ягодинцевой“», которые могут быть использованы при проведении уроков литературы в средних классах общеобразовательных учреждений. Библиографический список составляет более 140 наименований.

ГЛАВА I. УРАЛЬСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

1.1. Феномен Уральской поэтической школы

В последние три десятилетия отчетливо прослеживается тенденция к формированию локальной региональной идентичности. Одной из наиболее активной, по мнению А. А. Сидякиной [123], является современная уральская поэзия. Как самостоятельное движение она сформировалась на рубеже 1980-1990 годов на базе «треугольника Урала» (термин введен А. Парщиковым) — трех городов: Челябинска, Перми, Екатеринбурга (впоследствии к ним добавились Нижний Тагил, Магнитогорск, Первоуральск и другие менее крупные города), прежде всего, благодаря культурной деятельности поэта Виталия Кальпиди. Именно он ввел в литературный дискурс понятие «уральская поэтическая школа» (или «уральское поэтическое движение»), а также документально зафиксировал его историю. Под термином «уральская поэтическая школа» подразумевается «четыре поколения поэтов, сконцентрированные на тридцатилетней временной площадке, сжатой периметром трех городов (плюс еще двумя десятками уральских поселений)» [133; с 7]. При этом В. Кальпиди отмечает, что для него не столь важно традиционное понимание понятия «школа»: «Мы в свое время обозначили уральское поэтическое движение «школой» по инерции, граничащей с наивностью. Впрочем, если есть смысл в этом сравнении, то вот он: школа — это то место, где молодые люди проживают свое детство, запоминая его навсегда. А еще точнее — это то место, где детство проживает молодых людей, оставляя по себе воспоминания, способные заменить всю дальнейшую жизнь» [Там же]. Однако некоторые литературоведы, в частности Ю. Подлубнова, оправдывают использование термина «школа» наличием нескольких поколений и их преемственностью в уральском поэтическом движении.

Литературоведы (Т. Н. Маркова, М. П. Абашева и другие) подчеркивают роль личности Виталия Кальпиди в формировании поэтического пространства на Урале: «Залогом первоначального объединения уральского поэтического движения стала поэтическая, творческая репутация ее лидера. <...> Харизматическая личность, лирический пафос, а также активное творческое поведение создали героический миф, что был принят молодыми уральскими поэтами, для которых Кальпиди становится культурным героем» [13; с. 15].

Действительно, вернувшись из Перми в родной Челябинск в начале 1990-х годов, В. Кальпиди последовательно выстраивает уральское поэтическое пространство: «Создание провинциальной литературной схемы — не есть конкуренция с Москвой. <...> Но провинциальная литературная схема — это жест свободы. Не от чего-то, а для чего-то. Свобода, если хотите, — это способность меняться. <...> Голоса провинции могут быть свободны. Не лучшими и конку- (простименягосподи)-рентными, а свободными», — пишет он в манифесте «Провинция как феномен культурного сепаратизма (лирическая реплика)», который был опубликован в журнале «Уральская новь» в 2000 году [73]. Далее В. Кальпиди предлагает ряд конкретных действий для создания «активной литературной среды»: объявить мораторий на публикации провинциальных поэтов в Москве, организовать ежегодные литературные премии, наладить систему распространения книжной продукции, открыть сайт в сети интернет и другое. Большинство перечисленных пунктов так или иначе выполнены: благодаря тесному сотрудничеству с издательским домом «Фонд галерея» и «Издательством Марины Волковой» выходят и распространяются антологии и поэтические сборники уральцев, в интернет-пространстве функционирует сайт www.marginaly.ru, на котором размещены основные «официальные» издания движения, проходят различные фестивали («Антипровинция», «Глубина», «СловоNova», «ГУЛ», поэтические марафоны) и вручаются премии

(«ЛитератураРРентген», «П»). Кроме этого, В. Кальпиди написал «Кодекс провинциального поэта» — своеобразный свод правил поведения, предписывающий определенное отношение поэта к власти, деньгам, Москве, алкоголю и т. п.

Издатель и культуртрегер М. Волкова, говоря о роли В. Кальпиди, утверждает, что «... УПШ — продукт Кальпиди не столько как лидера этого движения (что ему постоянно пытаются приписать, что, впрочем, вполне справедливо), сколько как документалиста, летописца поэтической жизни России» [40]. Виталий Кальпиди выпустил в свет три тома «Антологии современной уральской поэзии» (1996, 2004, 2011) и «Энциклопедию Уральской поэтической школы» (2012) — что по сути явилось документальным свидетельством движения, так как эти издания заключили в единый дискурс творчество почти полтора десятка разных поэтов. В создании антологии заложена идея фиксирования состояния уральской поэтической школы каждые семь лет, что позволяет от тома к тому отслеживать тенденции развития не только всего движения, но и отдельных авторов.

Выбор печатного формата изданий обусловлен противопоставлением фундаментальности бумажной книги неустойчивому интернету: «что именно книга может быть (и — в данном случае становится) таким структурированным пространством, которое можно было бы назвать школой поэтической и критической мысли, а значит и школой понимания — за ней слышен голос того, кто в состоянии писать и читать. Книга противопоставляется неумному потоку необработанной и непрожитой информации, информации, минующей человека, к которому она, казалось бы, должна быть направлена. Информация приобретает энтропийные свойства» [133, с. 7].

Три «Антологии современной уральской поэзии» и энциклопедия ценны не только содержательно, но и «внешне», за каждой из них стоит оформительский проект, и это не остается незамеченным. Оргкомитет

XVII Московской международной книжной выставки-ярмарки признал второй выпуск антологии одной из трех лучших поэтических книг 2004 года.

Российские литераторы и критики (Алексей Парщиков, Дмитрий Пригов, Дмитрий Кузьмин, Андрей Вознесенский, Борис Кузьминский, Данила Давыдов и др.) приняли термин «уральская поэтическая школа» и ее идеологию, заключающуюся в жизнестроительстве, культурном сепаратизме, противостоянии «подиумной культуре» центра. «Верно и правильно, что реальность регионального поэтического ландшафта определяется как реальность податливая и творимая, в конечном счете — как авторский проект», — отметил, в частности, Д. Кузьмин [Там же; с. 16]. Однако некоторые литераторы, критики и публицисты до сих пор ставят под сомнение существование уральской поэтической школы, среди них, например, А. Санников и А. Петрушкин [120].

На данный момент в рядах уральского поэтического движения насчитывается около 130-150 поэтов. Их объединяют различные дружеские, творческие, ментальные связи, как пишет А. А. Сидякина: «...общность современной уральской поэзии явлена во множестве творческих и социокультурных пересечений, локальных поэтических сообществ, в некоем художественно-идеологическом родстве» [123].

Как показало время, ошибочно считать, что в основе уральской поэтической школе лежат только место и время, причем первостепенным из них считался именно географический фактор. Исследование «Точки входа: города Урала в „Антологии уральской поэзии“» [14], проведенное М. П. Абашевой и А. И. Сериной, показало, что связь с Уралом у молодого поколения в отличие от предыдущих слабее: они чаще покидают малую родину, выбирая постоянным местом жительства Москву или за границу (О. Дозморов, А. Пермьяков, Е. Сунцова, Е. Коробкова и др.), и это не является поводом не причислять их к уральской поэтической школе. Напротив, толчком к возникновению движения стал феномен ментальной

притягательности Урала, в котором ищут вдохновения и те, кто остался, и те, кто уехал.

Именно об этом говорит и сам В. Кальпиди, для него современная уральская поэзия — «единый психо-геологический ландшафт и единая климатическая макроэстетика, скреплённые пластилиновой опалубкой единого информационного поэтического пространства. Это пространство ощущается большинством участников процесса как несомненное, чётко персонифицированное и ценностное явление» [72].

Достояние уральского поэтического движения не замыкается в пределах определенного географического местоположения, а выходит за его рамки и распространяется на территории всей страны, становясь частью российской культуры. На круглом столе, посвященном выходу второго тома «Антологии», критик Д. Пригов сказал: «Я не хочу быть пророком, но мне кажется, что список последних мощных поэтических школ России, объединенные географически, так и не будет изменен и останется в неприкосновенности. Это — Москва, Урал и Питер» [20], а для В. Кальпиди уральская поэтическая школа — это панацея для искусства, «демонстрация духовного превосходства поэтического сознания над рисками деградации русской культуры» [133; с. 7].

С момента возникновения уральского поэтического движения прошло уже более 30 лет, поэтому возникает вопрос о смене поколений. Однозначно он не решен до сих пор, да и навряд ли это возможно. Критики предлагают разные типологии:

— три поколения с различными философскими взглядами (М. Загидуллина),

— «старшие» и «младшие» (А. Высокосов),

— Кальпиди и следующие поколения (А. Петрушкин),

— три поколения (Ю. Казарин),

— четыре поколения (Д. Дзюмин, Б. Кутенков).

Для самоопределения и позиционирования, представителями уральской поэтической школы используются новые виды культурной деятельности, например, культуртрегерство (термин введен и обоснован Виталием Кальпиди) [92]. Его цель — создание литературного пространства, «поэтического кластера» (Марина Волкова) на Урале, подразумевающее своеобразное «хождение в народ»: встречи поэтов со школьниками, студентами, жителями России, издание книг и многое другое. Для этого организуются беспрецедентные акции: читательская эстафета «Я живу на Урале» (2013), автопробеги по городам России «Километры и книгобайты» (с 2014 года), поэтический микрофон и издание сборника «ПроГУЛки» (2014), «Галерея уральских поэтов» («ГУЛ», 2014-2015), «Дни поэта» (с 2014 года), «Современная поэзия. Современный человек» (2015), «Русская поэтическая речь» (2016), «Батл уральской поэтической школы» (2016) и др.

Культуртрегерству посвящен отдельный раздел в «Энциклопедии уральской поэтической школы», в котором подробно расписано это явление. Например, приводится «кодекс» культуртрегера: «Культуртрегер — это созидатель пространств; человек, имеющий свою стратегию, свою тактику, как культуротворческую, так и экономическую. Культуртрегер не зарабатывает, а тратит» [133; с. 430].

Такую практику наглядно иллюстрирует пример акции «ГУЛ» — создания «Галереи уральской литературы». 2015 год был объявлен культуртрегерами «Годом уральской литературы». У проекта две составляющих: издательство и продвижение. Об этом в интервью журналу «Культура Урала» рассказывает издатель Марина Волкова: «С 15 февраля этого года [2014 – прим. наше, Е. С.] каждую неделю выходит книга серии «ГУЛ». Уже сам по себе такой темп книгоиздания — своеобразный рекорд. Проект логично продолжает ту огромную работу по отслеживанию и фиксации литературного процесса на Урале, которой Виталий Кальпиди посвятил не одно десятилетие...» [39; с. 48]. В рамках этой акции были

изданы небольшие по формату сборники стихотворений тридцати двух самых ярких, по мнению идеологов проекта, представителей уральской поэтической школы. Книги распространялись по доступной цене (около 100 рублей), продвижению проекта способствовали различные мероприятия: дни поэта, квартирники, выставки, флешмобы, круглые столы, литературные салоны, юбилеи поэтов и книг.

Еще один крупный и не менее интересный проект — автопробег по городам России. В 2016 году он обрел название «Километры и книгобайты». Его суть заключается в том, что М. Волкова с одним или несколькими уральскими поэтами отправляется на автомобиле по городам Челябинской области и России, выступая с презентацией уральской поэтической школы в библиотеках, школах, музеях и других культурных местах.

Виталий Кальпиди неоднократно призывал академическую среду к диалогу об уральской поэтической школе, об этом он пишет уже в первой антологии. Литературоведы подключились к изучению феномена поэтического движения Урала, но самые масштабные события в научной среде произошли гораздо позже. Тремя университетами — Уральским федеральным, Челябинским государственным и Челябинским государственным педагогическим — в сентябре 2014 года в Екатеринбурге была организована конференция «Уральское поэтическое движение (1981-2013): история, аналитика, прогнозы», материалы конференции были опубликованы в номере «Вестника Челябинского государственного университета». В конце 2015 года в рамках VIII конференции «Литература в контексте современности» на базе Челябинского государственного педагогического университета прошла специальная секция «Уральская поэтическая школа», доклады были опубликованы в сборнике. Кроме этого, ученые — М. П. Абашева, Н. В. Барковская, М. В. Загидуллина, Т. Н. Маркова, А. А. Сидякина, В. В. Федоров — регулярно публикуют свои работы об уральском поэтическом движении в целом, или об

отдельных поэтах на страницах научных изданий, толстых журналов, а также в сети интернет.

Таким образом, уральское поэтическое движение, несмотря на тридцатилетнюю историю, только сейчас становится объектом пристального изучения литературоведов. Вопросы, которые накопились за прошедшие десятилетия, много, и все они являются очень важными для осознания феномена уральской поэзии. Среди них — вопрос о специфике женской уральской поэзии.

1.2. Творчество М. Никулиной и Н. Ягодинцевой в контексте уральской поэтической школы

В уральское поэтическое движение входит большое число известных поэтесс: И. Аргутина, И. Домрачева, Е. Изварина, В. Киселева, Н. Санникова, Н. Стародубцева, В. Тхоржевская и другие. Однако мы обратились к творчеству двух ярких и репрезентативных, на наш взгляд, представительниц современной уральской поэзии — Майи Никулиной (Екатеринбург) и Нины Ягодинцевой (Челябинск). У каждой из них более десятка поэтических книг, заслуженное признание и всероссийская известность. Обе поэтессы являются лауреатами литературных премий, в частности Всероссийской литературной премии имени Павла Бажова, их стихотворения входят в школьные и вузовские программы по литературе родного края. О творчестве Майи Никулиной писали Ю. Казарин, Л. Быков, А. Субботин, И. Воротников, Е. Баженова; о Нине Ягодинцевой — К. Рубинский, Е. Изварина, И. Андрощук, А. Расторгуев, В. Осипов, М. Полехина. Стихотворения Майи Никулиной и Нины Ягодинцевой вошли в тома «Антологии современной уральской поэзии» (1996, 2003,

2011), о них написаны статьи в «Энциклопедии уральской поэтической школы» (2012).

Некоторые критики считают творчество М. Никулиной и Н. Ягодинцевой образующим, центральным для городов, в которых они живут. Ю. Казарин называет М. Никулину родоначальником «свободной поэзии» Екатеринбурга: «...в Екатеринбурге и на Среднем Урале поэзия родилась в тот момент, когда М. Никулина написала свои первые настоящие стихи (1953–1955) и когда вышла в свет (в прямом значении) ее первая поэтическая книга «Мой дом и сад» (1969)» [71; с. 367], а А. Петрушкин считает Н. Ягодинцеву «инь челябинской литературы»: «Если Виталий Кальпиди был мужским полюсом челябинского литературного процесса, то Нина Ягодинцева — женским. Думаю, что только в паре они и могли аккумулировать нынешнюю литературную ситуацию» [102].

Майя Петровна Никулина родилась в Свердловске в 1937 году в семье лесного инженера. Отец Майи бывал на столичных поэтических вечерах И. Северянина, В. Маяковского и других. Родственники Майи Никулиной даже после революции 1917 года чтили и сохраняли дворянскую интеллигентскую культуру: в родительском доме была богатая библиотека с произведениями классиков и поэтов Серебряного века. Не удивительно, что жизнь поэтессы с раннего возраста была неразрывно связана с традиционной русской культурой и классической литературой. В беседах с Ю. Казариным М. Никулина призналась, что в 4 года ее «потрясло» творчество М. Ю. Лермонтова, особенно его поэма «Демон»; Михаил Юрьевич и по сей день он остается одним из ее любимых поэтов.

Первые поэтические опыты М. Никулина сделала, будучи школьницей. Тогда же в ней проснулась любовь к родным местам и интерес к истории малой Родины, вылившаяся впоследствии не только в стихотворениях, но и краеведческих работах.

Главным воспоминанием ее детства стала Великая Отечественная война, которая раз и навсегда оставила трагический след в судьбе поэтессы: «Мое реальное время, которое я помню и в котором жила, началось с войны» [133; с. 273], — пишет она в автобиографии. В военное время тяжело было всем, особенно детям, на плечи которых ложились взрослые обязанности: сельскохозяйственные работы, поиск пищи, — все это коснулось и екатеринбургскую поэтессу.

После окончания школы Майя Никулина училась на геологическом факультете, но не закончила его по стечению обстоятельств: во время практики в колхозе молодая девушка случайно стала участником побега. Эта ситуация обернулась исключением из комсомола, запретом на поступление в вуз в течение трех лет и тяжелой работой среди преступников на буровой станции в Северном Казахстане.

Несмотря на то, что стать профессиональным геологом М. Никулиной не удалось, любовь к «камню» в ней осталась на всю жизнь: она хорошо разбирается в геологии, а кристаллография — одна из ее любимых научных сфер: «Кристаллография, надо сказать, совершенно потрясающая, очень сложная, но совершенно потрясающая наука. Я когда в первый раз с ней познакомилась, я уже вам говорила, у меня было такое ощущение, что это и есть про все. Вот она объясняет все», — рассказала М. Никулина [71; с. 314].

История семьи М. Никулиной неразрывно связана с двумя географическими пространствами — Уралом и Крымом. Посетив впервые Севастополь в 1957 году, она еще не раз туда возвращалась: ездила каждый год, иногда даже не по разу. Крым ее притягивал: «Место сильнее крови. У меня, к счастью, совпало: Урал — от отца, Крым — от матери; северная память и южная. Урал — геологическое время, камень, ощущение себя сотрудником Горы и ее — Горы — удерживающая сила. Крым — северное крыльцо Средиземноморья: тавры, готы, греки, римляне, османы, древние храмы, пещерные города... <...> С годами Север («Кого камень

заметит, того не выпустит») и Юг («Не оставляйте Севастополь!») сравнялись по количеству любви, утрат и могил, что делает личные предпочтения и выбор совершенно невозможным» [133; с. 273-274]. Эта неразрывная связь нашла воплощение и в поэзии Майи Никулиной: в ее стихотворениях Урал и Крым создают одно нерасчленимое целое пространство.

Первое высшее образование М. Никулина получила в Свердловском институте повышения квалификации руководящих кадров лесной промышленности; после этого она некоторое время работала в данной сфере.

В 1968 году поэтесса закончила филологический факультет Уральского государственного университета. За свою жизнь она сменила несколько мест работы: работала в библиотеках, заведовала отделом гуманитарных наук газеты «Наука Урала» при уральском отделении Российской академии наук, занимала пост заместителя главного редактора литературного журнала «Урал», преподавала в екатеринбургской гимназии «Корифей» (№ 102). Жизнь Майи Никулиной — это постоянный труд: «Жизнь я прожила совсем не писательскую: вот уже более полувека непрерывно работаю, практически каждодневно с 9-ти до 6-ти; правда, всегда с книгами, читателями и писателями — в библиотеке, в редакции, в школе. <...> Литературным трудом не жила и литературными хлопотами не отягощалась: всегда находились другие» [Там же; с. 274].

В 1980-1990 годах литераторы стали объединяться вокруг М. Никулиной: ее кухня стала местом общения для екатеринбургских поэтов, за столом которой обсуждались не только литературные, но и философские, исторические вопросы. Юрий Казарин, частый гость в доме Майи Петровны, вспоминает: «Кухня Майи Никулиной — это академия культуры, философии, истории, языкознания и художественной словесности» [71; с. 378]. В гостях у Майи Петровны в разное время

побывали А. Комлев, А. Громов, А. Верников, Е. Туренко и другие известные талантливые люди.

Основным делом жизни Майи Никулиной остается творчество. Она неоднократно переводила с испанского, словенского, чешского, грузинского и английского языков. Будучи преподавателем гимназии «Корифей», написала несколько познавательных книг для детей, в частности, «Рассказы об Уральской истории». Значительную часть своей жизни Майя Петровна посвятила изучению истории, культуре и современности Урала. Многим знакомы ее книги «Камень. Пещера. Гора» (за которую она получила премию П. П. Бажова), несколько раз переиздававшиеся «Прогулки по Екатеринбургу» (в соавторстве с В. П. Лукьяниным).

М. П. Никулина — автор нескольких поэтических сборников: «Мой дом и сад» (1969), «Имена» (1979), «Душа права» (1983), «Колея» (1983), «Бабья трава» (1987). Ее стихи были опубликованы в различных толстых литературных журналах: «Урал», «Уральская новь» и других. Ее поэзия переведена на словенский и украинский языки.

Выход первых сборников Майи Никулиной пришелся на конец 1960-х годов, однако ее творчество имеет мало общего с поэзией «шестидесятников». Главное отличие заключается в том, что М. Никулина, следуя традициям классической русской литературы, пишет о сугубо личных, индивидуальных переживаниях. В ее стихотворениях четко расставлены нравственные ориентиры, всегда присутствует чувство долга и ответственности.

Несмотря на известность, М. Никулина, по свидетельствам ее близких, очень скромный человек. Современники отмечают ее образованность, эрудированность во многих областях знаний и мудрость ее стихотворений.

«Поэзия Майи Никулиной стала частью великой русской словесной культуры», — такую высокую оценку дал творчеству Никулиной доктор

филологических наук, профессор Уральского федерального университета Ю. Казарин. [Там же; с. 434].

Нина Александровна Ягодинцева родилась в Магнитогорске в 1962 году. Как поэтесса она дебютировала в 11 лет: ее стихи были опубликованы в газете «Знамя» Магнитогорской швейной фабрики, на которой работала ее мама. С 9 класса девочка занималась в городском литературном объединении под руководством поэтессы Нины Кондратковской. После окончания школы, отработав необходимый срок на металлургическом комбинате, в 1982 году она поступает в Литературный институт. Свою учебу в вузе Нина Александровна в одном из интервью охарактеризовала так: «В Магнитогорске очень хорошая школа реалистической поэзии. Литинститут дал совершенно другую школу — какой-то следующий слой поэтических смыслов» [143].

Окончив институт в 1987 году, она вернулась в Магнитогорск, а немного позже переехала в Челябинск. Начало трудовой карьеры совпало с переломным и тяжелым для страны периодом — «лихими девяностыми». Чтобы жить, поэтессе приходилось осваивать смежные профессии, работать воспитателем, корректором и еще много кем. К потрясениям «извне» присоединилась личная семейная драма.

Но жизненные трудности не стали препятствием литературному творчеству и педагогической работе. В 1994 году Нина Ягодинцева приняла участие в первом Всероссийском совещании молодых писателей. С этого же года в течение трех лет вела писательский клуб «3-й четверг» при Челябинском Фонде культуры. С 1995 по 2000 руководила областными литературными объединениями при общественном движении инвалидов «Лилия»: студиями «Созвучие» (Челябинск) и «Амариллис» (Златоуст). Под началом Нины Александровны существуют молодежная литературная мастерская и детская литературная студия «Апельсин» в гимназии № 26.

В городской газете «Вечерний Челябинск» около года выходила рубрика Н. Ягодинцевой «Литературная среда» (1996-1997), а на областном радио — литературно-критические передачи.

С 90-х годов начитается педагогическая карьера поэтессы, с которой будет неразрывно связана вся жизнь. Она преподавала литературу XVIII века и авторский курс «Литература Уральского региона» в челябинском колледже культуры. Позже она начинает работать в Челябинском государственном институте культуры, защищает кандидатскую диссертацию по культурологии «Русская поэтическая культура: сохранение целостности личности», по теме которой была подготовлена монография (2007), ставшая лауреатом Всероссийского конкурса «Лучшая научная книга — 2007». Сейчас Нина Александровна — доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры, она ведет основы драматургии, сценарное мастерство, драматургию конкурсных игровых программ, сценарные технологии в работе с документальным материалом. Также на базе института с 2010 года она ведет уникальные Литературные курсы, слушатели которых получают диплом государственного образца. 17 ее выпускников уже стали членами Союза писателей, а 15 — поступили в Литературный институт. Многие из них являются лауреатами всероссийских профессиональных конкурсов.

О своей миссии в работе с молодыми поэтами Нина Ягодинцева в одном из интервью сказала так: «Литературная педагогика — очень интересное занятие, которое позволяет отслеживать тенденции в молодежной поэзии, кому-то помочь, подсказать на разных уровнях — от технологического до мировоззренческого. Те вещи подсказать, которые мне, например, давались достаточно долго и тяжело» [Там же].

Благодаря многолетней и плодотворной работе с молодыми писателями критик А. Петрушкин связывает имя Н. Ягодинцевой с появлением третьего поколения поэтов на Урале: «Она встала во главе

литературной мастерской при Союзе писателей России (впоследствии это образование начали именовать просто литературной мастерской Нины Ягодинцевой). Кратковременный расцвет этой институции пришелся на период с конца 1999 года по декабрь 2003 года. В течение этого времени в челябинскую литературу пришли Полина Потапова, Ирина Аргутина, Маргарита Еременко, Марина Хаген, Марина Гольденберг, ваш покорный слуга» [102].

Н. А. Ягодинцева — член Союза писателей России с 1994 года, а с 2013 его секретарь. Она является одним из организаторов профессиональной литературной премии, учрежденной движением «За возрождение Урала». С 2007 года поэтесса входит в состав жюри Всероссийской литературной премии имени П. П. Бажова. С 2010 года под ее руководством в Челябинском государственном институте культуры проходит региональное совещание молодых писателей Челябинской области. В качестве руководителя творческих семинаров Н. Ягодинцева работала на региональных и Международных совещаниях молодых писателей в Москве, Омске, Красноярске, Каменске-Уральском, Барнауле и Бугуруслане.

Поэтесса — автор курса лекций по философии поэтического творчества «Поэтика: модели образного мышления» (2003), практикума для студий и курсов литературного мастерства «Поэтика: двенадцать тайн» (2005), курса лекций по психологии творчества «Поэтика: принципы безопасности творческого развития» (2008).

У Нины Ягодинцевой вышло несколько авторских поэтических сборников: «Идущий ночью» (1991), «Перед небом» (1992), «Амариллис» (1997), «На высоте метели» (2000), «Течение донных трав» (2002), «Тихие имена» (2004), «Меж облаками и людьми» (2008), «Свиданье тайн» (аудиокнига, 2008), «Иная мера» (2009), «Листая пламя» (2011), «Вишенье» (Германия, 2012), «Подорожная» (2012), «Стихи» (аудиокнига,

2012). В 2012 году вышел том «Избранное» в серии «Библиотека российской поэзии».

Кроме этого, творчество Н. Ягодинцевой вошло в различные поэтические антологии: русской женской поэзии «Вечерний альбом» (1991), трехтомник «Современная уральская поэзия» (1996, 2003, 2011), «Антология русского лиризма. XX век» (2000), «Русская сибирская поэзия, XX век» (2008), «Наше время: антология современной поэзии» (2009), «Русская поэзия. XXI век» (2009).

Поэзию Нины Александровны отличает внимательность к деталям, философское осознание современной жизни, нравственность и духовность. Ее творчество Е. Изварина охарактеризовала так: «... поэтическое слово для Нины Ягодинцевой — парус, уносимый в море, „провалы, стремнины, мели“. Отсюда, должно быть, — разнообразие ритмов и строфики, смысловая вариативность, внимание к звуку и тону, музыкальность многих стихов, иногда, к сожалению, провоцирующая излишнюю вычурность, погоню за красотой в ущерб настоящей красоте. <...> Зачастую, лирические стихи от этого лишь выигрывают...» [67].

Особенно интересны сборники, подготовленные Н. Ягодинцевой совместно с В. Осиповым («Мужчина и женщина: азбука жизни», 2005) и А. Расторгуевым («Жажда речи», 2012). В их структурной и мировоззренческой основах лежит диалог мужского и женского начал, воплощенные в поэтическом творчестве. За книгу «Жажда речи» авторы были удостоены литературной премии Уральского федерального округа (2012).

В различные годы Н. Ягодинцева публиковалась в толстых журналах «День и Ночь», «Бийский вестник», «Октябрь», «Уральская новь», «Урал», «Сибирские огни».

О книгах Нины Александровны Ягодинцевой написаны множество литературных рецензий и отзывов в периодических изданиях. Она — лауреат различных всероссийских премий: имени П. П. Бажова (2001,

книга «На высоте метели»); имени К. Нефедьева (2002, «Течение донных трав»), многократный лауреат конкурса «Южноуральская книга» и других. В честь 50-летия поэтесса получила медаль Ассоциации писателей Урала «За служение литературе».

Стихотворения Н. Ягодинцевой переведены на несколько языков, сама она переводила поэтические тексты с украинского, азербайджанского и башкирского языков. Переведенные ею на русский язык стихотворения Л. Абдулиной с башкирского языка стали одной из лучших публикаций года в журнале «Бельские просторы».

Кроме литературной и преподавательской деятельности Нина Александровна много лет занимается фотографией. Во время своих путешествий по природным достопримечательностям родного края она делает снимки, которые можно увидеть на ежегодных выставках в городах Урала и в журналах «Мир женщины», «Инфор», «Челябинск».

Поэтический талант Нины Ягодинцевой высоко оценен многочисленными критиками, в том числе К. Шишовым: «Остаётся только констатировать, как доказанный факт, наличие в нашем крае мощного поэтического таланта, прошедшего свой, уникальный и мало оцененный современниками, путь Художника высокого самоотверженного труда, преданности Отчизне и — самое главное — феноменальной трудолюбивости и бескорыстия. Прикосновение как к её творчеству, так и к её искусству бытия — всегда знаменательно для нас, её земляков и современников» [139].

В жизни и творчестве Майи Никулиной и Нины Ягодинцевой можно обнаружить сходные черты. Обе они талантливые признанные поэтессы, любящие и воспевающие родной край. Они как магниты объединяют вокруг себя начинающих и уже состоявшихся авторов, являются учителями и наставниками. Судьба, полная трудностей и испытаний, не только не сломила уральских поэтесс, а, благодаря внутреннему стержню, возвысила. Они реализовали себя в разных сферах, не замкнулись

исключительно в литературной деятельности. Творчество М. Никулиной и Н. Ягодинцевой объединяет женский, подчас по-матерински мудрый взгляд на жизнь, способность тонко чувствовать и переживать красоту окружающего мира, четкий нравственный «барометр» и мужество преодоления драматизма бытия.

1.3. Художественный концепт как инструмент анализа поэтического текста

Для уяснения особенностей женской уральской поэзии, ее связи с мировой и региональной культурой, в качестве инструментария мы выбрали концептуальный анализ. Он возник во второй половине XX века на волне новой традиции изучения текстов, которая подразумевает использование достижений нескольких смежных дисциплин: психолонгвистики, антропологии, семиотики и других. Тогда же стал разрабатываться новый инструментарий для анализа литературных произведений.

Для литературоведения термин «концепт» пока остается новым, но он прочно укрепился в лингвистике. Рассмотрим историю возникновения этого понятия.

Пьер Абеляр (XII век) понимал под «концептом» Смысл, который вводится в сознание слушающих как сверхличное, целостное орудие восприятия вещи, и является именем вещи, закрепляющееся в сознании слушающих и говорящих. Мыслители того времени считали концепт именовым обозначением особых «психологических образований», несущих с собой «какую-нибудь смысловую функцию». Смысловая функция имени раскрывается в общении, поэтому концепт направлен на собеседника, при

этом одновременно он направлен и к трансцендентному источнику речи – Богу [65].

В современное гуманитарное знание термин «концепт» был введен русским мыслителем С. А. Аскольдовым (Алексеевым). В 1928 году в сборнике «Русская речь» вышла его статья «Концепт и слово», в которой он, с одной стороны, следует средневековым философам, а с другой стороны, указывает на то, что концепт прежде всего связан с индивидуальным представлением. Аскольдов выдвинул идею «заместительства»: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [24]. При этом заместительная функция символична, то есть концепт не является отражением замещаемого множества, а представляется «его выразительным смыслом, обнаруживающим лишь потенцию совершить то или иное» [Там же]. Кроме того, Аскольдов определил концепт как важнейший инструмент структуры языка художника и указал на отличие концептов знания от концептов художественных, которое заключается в неопределенности возможностей последних.

Однако, после этого термин «концепт» надолго исчезает из лексикона отечественных ученых в силу социальных и исторических причин. Его возрождение связано с именем Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова и других ученых, которые дали обстоятельные интерпретации «концепта», тем самым реабилитировав его и заново возродив к жизни.

Д. С. Лихачев в конце прошлого столетия опубликовал статью «Концептосфера русского языка». По мнению ученого, концепты не существуют сами по себе, а находятся в определенной человеческой «идиосфере», так называемой «концептосфере». Рассматривая концепт с точки зрения языковой структуры, Лихачев утверждает, что он «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и

народным опытом человека» [85; с. 151]. Также исследователь акцентировал: смысловое богатство концепта напрямую зависит от жизненного опыта конкретного человека — национального, сословного, классового, профессионального, семейного, личного.

В современной лингвистике утвердилось несколько взглядов на понятие «концепт», из них основные три — лингвокогнитивное, лингвокультурологическое и психолонгвистическое. В основе их различия лежит вопрос о том, считать концепт единицей национального сознания или индивидуального.

Представителями когнитивной лингвистики (Е. С. Кубряковой, А. П. Бабушкиным, В. З. Демьянковым, З. Д. Поповой, И. А. Стернином и др.) концепт рассматривается как «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*linguamentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [82].

Лингвокультурологам (А. Вежбицкой, С. Г. Воркачеву, В. И. Карасику, Г. Г. Слышкину, Ю. С. Степанову, Г. В. Токареву, Н. Ф. Алефиренко и мн. др.) концепт представляется «единицей коллективного знания / сознания (отправляющей к высшим духовным ценностям), имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой» [41; с. 127-128]. Концепт концентрирует в себе культуру в сознании человека и рассматривается как явление коллективного сознания.

В психолонгвистическом понимании концепт — это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [62; с. 39]. То есть, основа концепта в

психолингвистическом понимании — не понятийное содержание, а блок знаний, представляющий собой совокупность конкретно-образных (зрительных, слуховых, вкусовых и пр.) элементов в психике человека.

Особый вклад в формирование национальной концептосферы и понимания ее отдельных концептов вносят фольклорные и литературные произведения, — в этом заключается необходимость концептуального анализа художественных текстов.

Подразумеваемый концептуальный анализ литературного произведения, современные ученые оперируют разными терминами: «художественный концепт», «литературный концепт», «поэтический концепт» и др., единого понимания термина пока не достигнуто. В литературоведении нет общепринятой трактовки понятия «художественный концепт». Так, О. В. Беспалова полагает, что художественный концепт — «единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [34; с. 6]. Известный литературовед В. Г. Зусман считает, что литературный концепт выступает своеобразным «агентом» других рядов культуры в художественном тексте: «литературный концепт — такой образ, символ или мотив, который имеет «выход» на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [63; с. 14]. Такой подход представляет новые возможности в представлении литературы в качестве коммуникативной художественной системы. Литературный образ становится концептом только тогда, когда он включен в ассоциативную сеть культуры.

Из приведенных определений становится ясно, что понятие «художественный концепт» находится на стыке нескольких смежных дисциплин: литературоведения, лингвистики и культурологи, и позволяет рассмотреть художественный текст с позиции этих наук.

В данном исследовании под художественным концептом мы, вслед за В. Б. Волковой [38], понимаем ментальное образование, отражающее особенности авторского типа мировосприятия, черты языковой творческой личности писателя. Отметим, что для нас понятия «концепт», «образ», «мотив» находятся в близком семантическом поле, и мы не проводим между ними строгой границы. Подобного взгляда придерживается литературовед В. А. Маслова: «Концепт в поэзии, — это глубинный смысл, изначально максимально свернутый в смысловую структуру. В творчестве поэта он является воплощением мотива, породившего текст» [94; с. 31].

Связь мотива и концепта нам представляется весьма очевидной: так, концепт может быть выражен несколькими мотивами и наоборот.

Главное отличие образа от концепта заключается в том, что природа первого эстетична, а второго — ментальна: как писал Степанов, концепт — это «сгусток культуры» [127; с. 40], он выходит за рамки художественного текста и устремляется в ассоциативное поле культуры, так как связан с сознанием и опытом автора. Литературный образ становится концептом только тогда, когда он включен в ассоциативную сеть культуры. «Художественный концепт находит выражение в художественном образе, символе, является единицей картины мира писателя, пронизывает всю структуру произведения, выходит за его пределы, связывая определенный художественный текст с другими произведениями писателя, художественной литературы, с культурными константами нации» [21].

В данной работе мы исходили из того, что художественный концепт обладает следующими основными чертами:

- 1) диалогичность,
- 2) вербальная и невербальная репрезентация,
- 3) эстетизм (связь с образными средствами языка).

Структуру концепта образно можно представить в виде круга, который образуют ядро, приядерная зона и периферия. Ядро — это «когнитивно-пропозициональная структура важного концепта», приядерная зона — «иные лексические репрезентации, его синонимы», периферия — «ассоциативно-образные репрезентации». Так как ядро и приядерная зона, как правило, отражают общекультурные знания, а периферия — индивидуально-авторское понимание, то нас более всего будет интересовать соотносимость приядерной и периферийной зон, движение смысла от ядра концепта к его периферии.

Совокупность концептов, из которых складывается картина мира конкретной языковой личности, называется концептосферой. В данной работе под этим термином мы, вслед за В. Б. Волковой, подразумеваем «совокупность художественных концептов как единиц индивидуального сознания, складывающихся в художественную картину мира, апеллирующих к сознанию реципиентов, отражающих движение авторской мысли в процессе создания произведения» [38; с. 57-58].

Существует множество способов классифицировать художественные концепты, решением данного вопроса занимались Л. В. Миллер, Г. Г. Слышкин, Л. Н. Чурилина, Н. С. Болотнова, Р. Г. Погосян, В. И. Карасик, Е. Ю. Понамарева и другие. Мы возьмем за основу классификацию, предложенную В. Б. Волковой. По мнению ученого, все художественные концепты можно разделить на универсальные и индивидуально-авторские. В основе их различия лежит степень оригинальности содержания: универсальные концепты присутствуют во многих художественных текстах различных авторов и имеют во многом сходное наполнение; индивидуально-авторские присущи исключительно поэзии конкретных авторов и воплощают в себе основные константы их миропонимания. Такая классификация позволит нам решить задачи исследования: понять «уральское сознание», воплощенное в поэзии М. Никулиной и Н. Ягодинцевой.

Вопрос о числе концептов по-разному решается в трудах ученых. А. Вежбицка писала о трех фундаментальных концептах русской культуры («Судьба», «Тоска», «Воля»), Ю. С. Степанов говорит о 40-50 различных концептов («Закон», «Слово», «Любовь», «Вера» и многие другие), В. А. Маслова полагает, что существует несколько сот концептов.

В качестве инструментария изучения концептов используют концептуальный анализ. Он является одним из популярных способов изучения художественных произведений последнего десятилетия. Выявление и интерпретация основных концептов в творчестве писателя или поэта становится ключом к рассмотрению сущностных составляющих его художественного мира, а также позволяет определить соотношение национального и индивидуально-авторского понимания мира.

Существует множество разновидностей концептуального анализа, пока нет общепринятого, мы же в данной работе под ним вслед за Л. Г. Бабенко подразумеваем «выявление парадигмы культурно значимых концептов и описание их концептосферы, то есть тех компонентов, которые составляют метальное поле концепта» [25; с. 57].

При выборе определенного вида концептуального анализа необходимо учитывать природу исследуемого материала. Учитывая объект данной работы — поэтический текст, который неразрывно связан с поэтическим миром, мы следовали следующему плану:

1. выявление всех возможных явно или неявно вербализованных репрезентаций определенного концепта и его признаков;
2. соотнесение выделенных концептуальных признаков с информацией общекультурного фона, чтобы определить место концепта в общенациональной картине мира (на основе различных словарей и энциклопедий);
3. описание ментальной сущности каждого концепта на основе полученных данных, выявление индивидуально-авторского видения концептов;

4. сопоставление каждого концепта, репрезентированного в текстах М. Никулиной, с соответствующим концептом, репрезентированным в текстах Н. Ягодинцевой с целью выявления совпадающих и несовпадающих признаков;

5. описание концептосферы женской уральской поэзии с учетом индивидуально-авторских концептов и дополняющих их универсальных.

Выбор конкретных концептов, которые будут подвергнуты анализу, зависит от сознания исследователя и замысла автора, идеи текста. «В работе с отдельным художественным текстом наибольшие результаты приносит сопряжение доминантного для исследуемого произведения концепта с кругом других, тесно связанных с ним концептов, обусловленных концептуальной структурой конкретного текста и авторского замысла, что в свою очередь позволяет обозначить особенности эстетически отраженной в произведении концептосферы автора» [21].

Важно помнить, что интерпретация и понимание концепта субъективны, так как его природа, по В. Г. Зусману, диалогична. Исследователь развивает мысль Д. С. Лихачева, который утверждал, что «каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» [85; с. 153].

Кроме этого, в анализе концепта есть граница, за пределы которой нельзя выйти умственно, как полагает Ю. С. Степанов, «во всех духовных концептах мы можем довести свое описание лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая не описывается, а лишь переживается» [127; с. 13].

Таким образом, для исследования особенностей женской уральской поэзии мы выбрали концептуальный анализ, который подразумевает составление концептосферы и описание входящих в нее индивидуально-авторских и универсальных концептов. Это позволит исследовать

«уральскость» женской поэзии и приблизить нас к пониманию сущности ментальных связей уральских поэтесс.

ГЛАВА II. КОНЦЕПТОСФЕРА ЖЕНСКОЙ УРАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

2.1. Концепты «время» и «вечность»

Одними из базовых концептов в любой культуре являются «время» и «вечность». Данные концепты также очень важны для понимания художественного мира Майи Никулиной и Нины Ягодинцевой.

Время — важнейшая характеристика окружающего человека мира, как писал Н. А. Бердяев, «проблема времени есть основная проблема человеческого существования» [31].

Понимание времени позволяет ориентироваться в пространстве и осознавать события. Об этом в частности пишет культуролог и литературовед А. Я. Гуревич: «Мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени. В нем воплощается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам» [50].

В специализированной литературе описано значительное количество моделей времени: биографическое, историческое, эпическое, космическое, календарное, суточное, мифологическое, утопическое, замкнутое, открытое, бытовое, надбытовое, аналитическое и так далее.

Наиболее древним считается *календарное время* (оно же цикличное или круговое), связанное с мифологическим мышлением. Образно его можно представить в виде круга: нет начала и нет конца, все события повторяются, как восход и закат солнца.

Для мифологического мышления характерен синкретизм. Древний человек не выделял себя из окружающего мира. Время для него было антропоморфным, наделялось чертами живого существа, физиологическими и душевными характеристиками. Так как время измерялось прежде всего с помощью наблюдения за небесными светилами,

то оно стало ассоциироваться с движением, а также с пространством. О нерасчленимости времени и пространства писал русский философ и литературовед М. М. Бахтин, разрабатывая понятие «хронотоп»: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и изменяется временем» [29; с. 235].

С возникновением христианства появилось *историческое* или *линейное время*. Началом всего является акт божественного сотворения, а концом — Страшный суд. Все, что между этим — и есть жизнь. Поэтому все события, в отличие от циклического времени, являются единственными и неповторимыми, а жизненный процесс необратим. Прошлое и будущее ценны, так как в прошлом произошло Рождение Христа, а в будущем люди обретут Царства Небесного, а вот все, что происходит в настоящем, брэнно и непостоянно.

Соотношение времени и вечности по-разному воспринималось на протяжении всей истории человечества. В мифологическом мышлении время это и есть вечность, потому что оно циклично. Н. А. Бердяев размышляет об этом так: «Движение без перспективы конца, без эсхатологии не есть история, оно не имеет внутреннего плана, внутреннего смысла, внутреннего свершения. В конце концов, движение, которое не идет к разрешающему концу и не имеет его, так или иначе срывается на движение круговое» [32; с. 16].

В учении индийских «субстанциалистов» описываются два вида времени. Первое — эмпирическое, необходимое для ориентации человека в повседневной жизни. Второе — абсолютное, то есть вечная субстанция. Для буддизма характерно понимание времени как иллюзии, а душа, следуя закону кармы бесконечно умирает и рождается. В арабско-мусульманской философии можно найти упоминания и об историческом, и о календарном времени.

Христианские философы Средних веков противопоставляли время и вечность через равенство «вечность = истина». А. Августин в «Исповеди»

писал о движении времени и статичности вечности, которая неотделима от Божественного существа: «Они пытаются понять сущность вечного, но до сих пор в потоке времени носится их сердце и до сих пор оно суетно. Кто удержал бы и остановил его на месте: пусть минуту постоит неподвижно, пусть поймает отблеск всегда недвижимой сияющей вечности, пусть сравнит ее и время, никогда не останавливающееся. Пусть оно увидит, что они несравнимы...» [15; с. 290].

Философы рубежа XIX-XX веков настаивали на том, что не стоит категорично противопоставлять категории времени и вечности: «история есть неразрывная борьба вечного с временем», как писал Н. А. Бердяев [32; с. 53].

В лексикографических источниках время представляется как «Мера длительности всего происходящего, существующего. Отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет» [35; с. 157]. Вечность понимается как бесконечность, нескончаемость времени: «Бесконечное по времени существование материального мира. Течение времени, не имеющее ни начала, ни конца», — констатирует «Большой толковый словарь русского языка» [Там же; с. 123].

В поэзии женских уральских поэтесс мы находим воплощения разных моделей времени: календарного, суточного, психологического, космического.

О значимости концепта «время» для художественного мира М. Никулиной говорит частотность его употребления. Концепт «время» вербализован в 237 существительных, 73 прилагательных, 82 наречиях, 15 устойчивых выражениях (всего — 407). Наиболее часто встречающиеся лексемы «время» (28 употреблений), «ночь» (35), «день» (25), «утро» (16), «сентябрь» (13), «весна» (12), «лето» (11), «годы» (11), «снова» (10), «теперь» (9), «вечный» (9), «навсегда» (9), «срок» (8), «вечность» (6), «никогда» (5) и др. Среди устойчивых выражений: «песочные часы» (2), «сорок пятый» (2), «начальное начало» (2), «день солнцеворота» (2),

«урочный час» (1), «новый год» (1), «судный час» (1), «тыща лет» (1), «сто лет» (1), «праздники воскресные» (1), «сорок первый» (1).

У Нины Ягодинцевой концепт «время» представлен такими лексемами, как «ночь» (23), «время» (18), «утро» (12), «зима» (11), «день» (8), «весна» (6), «август» (5), «вечер» (5), «год» (5), «вдруг» (5), «вечность» (4), «сейчас» (4), «завтра» (3), «всегда» (3), «мгновение» (3) — всего 241 упоминание (165 существительных, 41 наречие и 35 прилагательных), в том числе устойчивые выражения: «тысячелетний рок» (1), «предвечерний час» (1), «сумеречный час» (1), «урочный час» (1). Встречаются упоминания православных праздников: Рождество (4), Яблочный спас (1), Ильин день (1), Покров Пресвятой Богородицы (1).

Уральская женская поэзия зачастую обнаруживает свой *циклический*, природный характер:

И все повторится. И легкой весной
растают снега, и счастливая верба
в недолгом пуху задрожит над водой –
великие весны не знают ущерба [3; с. 34].

Теперь вот и ты ушел –
Смыкается вечный круг [4; с. 34].

Но сладко томиться надеждой,
Что жизнь повторится опять,
И снова над родиной снежной
Звезде равнодушной сиять... [10; с. 45].

Повторяйтесь, восход и закат,
Как молитва на всех языках! [Там же; с. 40].

В разных стихотворениях появляется образ песочных часов, которые становятся не только символом бренности человеческого бытия (песок и

его исчерпаемость), но и бесконечного повторения (механизм работы песочных часов: чтобы ими воспользоваться, необходимо *перевернуть* сосуд): «песочные часы на стол поставить / и даже слышать, как шуршит песок [4; с. 45], «...и снова понять, как вмещается в грудь / дыханье песочных часов» [3; с. 90], «Песочные часы пустынь / Перемеряют вечность...» [10; с. 165].

В природном течении жизни важное место занимает смена времен года, то есть *календарное время*. Весна и осень — два особенных, «переходных» времени года, когда природа меняется с каждым днем, особенно это заметно в уральском климате. Весна в культуре ассоциируется с зарождением новой жизни, а осень — с ее увяданием, оба времени года имеют связь с женским началом. В мифологии западных славян есть богиня с говорящим именем — Жива, олицетворение красоты, юности, жизни, весны [95; с. 213]. Для уральских поэтесс весна — это обновление жизни: «Весна, от неба землю отделя, / Увидит: это новая земля» [10; с. 137], «... мои *неосвященные престолы* — / дожди и *весны*, вечность и покой» [4; с. 10].

Для поэзии Майи Никулиной характерна тайна, недосказанность, она не называет предметы и явления своими именами. Так, например, в стихотворении может не быть четкого указания на время года, но благодаря созданному поэтессой узнаваемому пейзажу, читатель легко догадывается, о чем идет речь:

*Оттаяло, воспрянуло, запело,
отгрохотало грозами — и вот
какой-то куст, восторженный и белый,
неловко зацветает у ворот* [4; с. 24].

У Нины Ягодинцевой весна — это обретение надежды и торжество жизни:

Вспыхнули сирени грозные созвездья,
Ясны, безымянны и неумолимы:

Аромат *надежды* с привкусом малины... [10; с. 232].

... В исполненный цветенья майский сад,

Где есть одна любовь, а смерти нету... [Там же; с. 261].

Начало осени (конец августа, сентябрь), в народе называют «бабьим летом». Осень года ассоциируется в культуре с осенью жизни, а значит, с мудростью и осознанием прошедшего опыта, как в стихотворении у М. Никулиной: «Осенняя тоска *всепониманья*».

Лирические героини М. Никулиной и Н. Ягодинцевой ощущают свою смертность, земную «невечность», и это чувство передается через образы природы, ведь женской натуре свойственно ощущать себя через окружающий мир: «И мы живем *тревожно и печально*, / как в октябре пустые деревья, / забывшие свой лик первоначальный» [4; с. 22], «Будет дымной пора листопада, / будет *горькой* она...» [10; с. 171].

Следующая разновидность времени в уральской женской поэзии — *суточное время*. Одним из наиболее часто встречающихся концептов у обеих поэтесс является «ночь». Ночь — один из важнейших архетипов в русской и других мировых культурах. Именно в ночное время происходили события христианского Откровения, победа добра над злом. «В русской культуре высокой классики ночь — время любви и творческого вдохновения, исповеди, духовных борений, мистических озарений и преображений жизни. «Дневное» и «ночное» сознание воспроизводит бинарную оппозицию дня и ночи с ее параллелью жизни и смерти», читаем у О. Жуковой [58; с. 272].

Ночь — одна из важнейших идиом романтизма; как правило, в романтических произведениях кульминационный момент происходит в темное время суток. Но и в других литературных течениях — символизме, футуризме, акмеизме ночь останется притягательной особенно для поэтесс. Так, например, в стихотворениях А. А. Ахматовой мрак — это время раздумий, одиночества, бессонницы, тревоги, любви, он

противопоставляется свету (стихотворения «Когда лежит луна ломтём чарджуйской дыни...», «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...», «Белой ночью» и другие). У уральской поэтессы Л. К. Татьяничевой мы встречаем похожие мотивы, например, в стихотворениях: «Междузорье», «Ясноглазая темная ночь», «Сон-трава», «Такая ночь» и др.

М. Никулина и Н. Ягодинцева в своем творчестве продолжают традиции русской женской поэзии. В их произведениях ночь окутана тайной и волшебством, это время творчества:

Колдующий в *торжественных* ночах,
творец оттенков, запахов и пятен,
Шопен кустарников и Моцарт голубятен,
как страсть твоя чиста и горяча [3; с. 44].

Когда часы ударят полночь,
Он, собеседник *тайный* мой,
Вдруг сновидения наполнит
Душистой сумрачной волной... [10; с. 107].

За то, что в слезах, хорошея,
ликует, звенит и поет
бездомное чудо — Психея,
почтившая слово твое,
твое *полуночное* знание,
рискнувшее вдруг побороть
почти родовые страданья
души, обретающей плоть [3; с. 43].

Темное время суток озаряется светом: «И ночь *сияет* все сильнее» [10; с. 53], «Ночь рассыпается *искрами*» [3; с. 98]. Ночь манит лирическую героиню соблазном: «...сладок белый день, / а *ночь* черней и *слаще*» [Там же; с. 50].

Но как бы притягательна ни была ночь, возникает устойчивая ассоциация: «ночь» — «страх»: «С ночи штормило, пугало, морозило...» [5], «Но гаснет свет — и волчий *страх* / у спящих выедаёт очи» [10; с. 53].

В обычном течении жизни человек не имеет власти над временем: «Гордости последняя твердыня. / Времени простое торжество» [3; с. 73], «Все пристальней себя на том ловлю, / что я живу от срока и до срока» [3; с. 33], «Спешите, помните, что здесь / Другого времени не будет!» [10; с. 43]. Но для поэтов особенно важны те моменты бытия, когда у человека появляется желание управлять временем, в данном случае мы говорим о *психологическом времени*: «Я время скрутила в дугу» [3; с. 90], «... два времени в узел свяжу / новое словом отмечу» [Там же; с. 62], «Это разве что так, без расчета, / от избытка любви и души / обогнать свое время и с ходу / очутиться в сибирской глуши...» [Там же; с. 72], «Запустим время вновь – пойдут по кругу стрелки» [10; с. 58], «Время останавливается / Перед любовью и перед смертью» [Там же; с. 93]. М. Никулина в некоторых своих стихотворениях описывает особенные неповторяемые события: «Весна вернется, но не та весна» [4; с. 23].

Неотвратимому драматизму бытия противопоставлены возвращение к природному началу и детская чистота, они способны восстанавливать правильный ход времени:

Темна душа. Но истина проста –
сядь на траву, дыши ребенку в темя,
и *свяжется разорванное время*,
и вещи встанут на свои места. [3; с. 27].

Дайте вернуться опять по старинной примете
В эти скупые края, где серебряно светит
Русское солнце, плывущее хмарью февральской,
Детское сердце терзая тревогой и лаской! [10; с. 59].

Для уральских поэтесс очень важно настоящее время, потому что непосредственные ощущения позволяют человеку осознавать себя в реальном мире. Поэтому прошлое и будущее тесно переплетаются с настоящим, иногда между ними исчезают четкие границы:

Колыбельные слова,
занавесочка сквозная,
мама нежная жива
и смеется, как живая.
Посреди жестоких лет,
посреди грозы военной
варит бабушка обед... [3; с. 97-98].

И в дугу себя сгибает
и уже из-за спины
нас привычно догоняет
эхо будущей войны. [Там же; с. 12].

Когда земля начнет свой новый круг
Мы будем три сестры:
Анастасия, Антонина, Нина.
Мы будем жить в глухой избе
Над быстрою холодной рекой... [10; с. 51].

В указанных стихотворениях воспоминания воспроизводятся заново в настоящем и даже будущем времени. Трагедия прошлого пророчит трагедии будущего: «В немилосердии прошедшего — / Немилосердное грядущее» [Там же; с. 271], как мудро написала Н. Ягодинцева. Воплощение идеи о поэте-провидце, который знает все, что было, есть и будет, существовало еще в древнегреческой мифологии: богиня Мнемозина олицетворяет тесную взаимосвязь памяти и будущего времени, а также является матерью всех муз.

Обращение к будущему необходимо уральским поэтессам не столько для того, чтобы знать, что будет, сколько для того, чтобы знать, что есть: будущее помогает объяснить то, что есть в настоящем, и понять его.

Закономерно возникает устойчивая метафора «время-река»: «Время расходится, как по воде круги» [Там же; с. 258], «Два времени текут, как две реки» [3; с. 84], «Время погони! По руслам жил, / Словно по руслам спящих рек, / Кто-то безвестный уносит жизнь» [10; с. 19]. Для уральских поэтесс характерно описание времени через природные явления: «...и дни, как гроздь винограда, / светлы, и косточки насквозь» [4; с. 54], «Время вместилось в слово, / как урожай в корзины» [3; с. 74], «Время пахнет пихтами» [10; с. 237], «И время затянется льдом» [Там же; с. 24], «Время – ветер, и хочет ко мне вернуться» [Там же; с. 108].

Маркеры времени, такие как «минута», «секунда», «час», встречаются у уральских поэтесс крайне редко, так как все это — показатели измеряемого, физического времени. Для поэзии в целом характерна субъективность: «...время для поэта сущность более вольная, самовольная, неуправляемая», — пишет Ю. Казарин [71; с. 406]. «В поэтическом языке <...> можно наблюдать некий «пересчет времени» — минуты и секунды (конвенциональные показатели кратковременности) перекодируются в миги и мгновения (присущие индивидуальному стилю авторской речи)» [146; с. 104]. М. Никулина и Н. Ягодинцева используют известные номинации, но вкладывают в них свой особенный смысл:

Секунды короче вдвое,

И каждая горяча,

И нищей стоит вдовою

Покинутая печаль. [10; с. 198].

В одно мгновение вмещается вечность: у Нины Ягодинцевой мы читаем: «Целая вечность детских чудес / Прошла, как одно мгновение с Вами...» [10; с. 167]. Исследователь Е. С. Яковлева пишет: «Переход на язык «мгновений» всегда свидетельствует о повышении «эмоционального

градуса» повествования» [146; с. 120]. Так, в стихотворении Н. Ягодинцевой «Июль», в котором кульминация отмечается ускорением темпоритма и тем самым «мигом»: «За миг пред каменным ударом / С небес метнётся лезвиё...», и чуть ниже: «Мгновенья гнева будут кратки, / Как мысли тайные твои» [10; с. 44]. В такие неуловимые, казалось бы, моменты бытия человек обращается к вечности, чтобы постичь смысл своего существования. Именно поэтому так велико интуитивное желание продлить «мгновенье»:

И мне ли эти боли врачевать,
и силой *останавливать мгновенье...*» [4; с. 41].

Космическое время в уральской женской поэзии выражено в различных вариантах: упоминаются «бесконечность», «бесконечно», «вечный», «вековечный», «вечность», «невечный».

В художественной картине мира М. Никулиной и Н. Ягодинцевой вечность связана с памятью: события прошлого, особенно трагедия Великой Отечественной войны, остаются навсегда с человечеством:

Не отпустила им злая война
личной судьбы
и навеки равны
смотрят сквозь время во все времена
детские лица героев войны [3; с. 24].

И кто-то падает крестом
И осеняет поле
На три открытых стороны:
России, вечности, войны [10; с. 266].

В стихотворениях уральских поэтесс «вечными» характеристиками наделяется только самое важное и дорогое: дом и Родина.

Пусть будет *вечен мой не вечный дом* [4; с. 10].

Со всей великой, невозможной,
Смертельно *вечною* страной... [10; с. 223].

Вечность для М. Никулиной и Н. Ягодинцевой ассоциируется с камнем, потому что их родные места — Екатеринбург и Челябинск — окружают уральские горы. Вот как об этом говорит в интервью М. Никулина: «Встреча с вечностью абсолютно реальна: это — камень. Это придумала не я, это еще в древности прекрасно понимали. Жизнь человеческая — 50–70 лет, ну 100 лет. А жизнь камня!..» [71; с. 222]. Об этом же пишет в стихотворении «Марине Гольденберг» Н. Ягодинцева: «...хотя, наверно, камни / Считают время отродясь веками» [10; с. 110].

У Нины Ягодинцевой есть замечательное стихотворение «Таганай», в котором поэтесса так написала о знаменитых уральских горах:

Там каменные позвонки прорывают земную кожу,
И счастлив становится тот, кого эта боль коснется.
Там вечность больше всего на стаю китов похожа,

На синюю стаю китов, плывущих на стаю солнца. [Там же; с. 141].

Поэт Константин Рубинский, говоря о картине мира Нины Александровны, вывел такую формулу: «Вечность, по Ягодинцевой, не мертва, не амбивалентна — она так же по-человечески наполнена вполне земным, так же уютна и утешна» [117; с. 10], наверное потому, что вечность для нее заключается в родных уральских горах.

Таким образом, структуру концептов «время» и «вечность» в творчестве Н. Ягодинцевой и М. Никулиной можно представить следующим образом:

Таблица 1.

Имя концепта	Ядро	Приядерная зона	Периферия
Время	Мера длительность	Ночь, день, утро, весна, сентябрь, зима,	Природа «дни, как гроздь»

	<p>и всего происходящего, существующего. Отрезок, промежутки в последовательной смене часов, дней, лет</p>	<p>вечер</p> <p>Цикличность</p> <p>«Теперь вот и ты ушел – / Смыкается вечный круг» (Никулина), «Повторяйтесь, восход и закат, / Как молитва на всех языках!» (Ягодинцева).</p> <p>Весна = жизнь</p> <p>«Оттаяло, воспрянуло, запело, / отгрохотало грозами — и вот / какой-то куст, восторженный и белый, / неловко зацветает у ворот» (Никулина), «В исполненный цветенья майский сад, / Где есть одна любовь, а смерти нету...» (Ягодинцева)</p> <p>Осень = смерть</p> <p>«И мы живем тревожно и печально, / как в октябре пустые деревья, / забывшие свой первоначальный»</p>	<p>винограда», «время вместились в слово, / как урожай в корзины» (Никулина), «время пахнет пихтами», «Время – ветер» (Ягодинцева)</p> <p>Прошлое = настоящее = будущее</p> <p>«И в дугу себя сгибает / и уже из-за спины / нас привычно догоняет / эхо будущей войны» (Никулина), «Когда земля начнет свой новый круг / Мы будем три сестры: / Анастасия, Антонина, Нина (Ягодинцева)</p> <p>Мрак = свет</p> <p>«И ночь сияет все сильнее» (Ягодинцева), «Ночь рассыпается искрами» (Никулина).</p> <p>Время = река</p> <p>«Два времени текут, как две реки»</p>
--	--	--	--

		<p>(Никулина), «Будет дымной пора листопада, / будет горькой она...» (Ягодинцева).</p> <p>Ночь = страх</p> <p>«С ночи штормило, пугало, морозило...» (Никулина), «Но гаснет свет — и волчий страх / у спящих выедаёт очи» (Ягодинцева)</p> <p>Ночь = волшебство</p> <p>«Колдующий в торжественных ночах» (Никулина), «Когда часы ударят полночь, / Он, собеседник тайный мой, / Вдруг сновидения наполнит / Душистой сумрачной волной...» (Ягодинцева)</p>	<p>(Никулина), «Время погони! По руслам жил, / Словно по руслам спящих рек, / Кто-то безвестный уносит жизнь» (Ягодинцева)</p>
Вечность	Бесконечное по времени существование материально	Бесконечно, вечный, вековечный, вечный круг, невечно	Память «и навеки равны / смотрят сквозь время во все времена / детские лица героев»

	<p>го мира. Течение времени, не имеющее ни начала, ни конца</p>		<p>войны» (Никулина), «И кто-то падает крестом / И осеняет поле / На три открытых стороны: / России, вечности, войны» (Ягодинцева) Родные места «Пусть будет вечен мой невечный дом» (Никулина), «Со всей великой, невозможной, / Смертельно вечную страной» (Ягодинцева) Мгновение «И мне ли эти боли врачевать, / и силой останавливать мгновенье...» (Никулина), «Мгновенья гнева будут кратки, / Как мысли тайные твои» (Ягодинцева) Камень «...хотя, наверно, камни / Считают</p>
--	---	--	---

			время отродясь веками» (Ягодинцева)
--	--	--	--

Таким образом, время в творчестве анализируемых авторов представлено несколькими моделями. Каждая из них отражает особенности не только «женского», но и «уральского» письма. Время у М. Никулиной и Н. Ягодинцевой ассоциируется с течением реки, борьбой света и тьмы, сменой времен года, то есть взаимосвязано с природой. А вечность для них — мерило человеческой жизни, камень и гора, которые остаются неизменными на протяжении многих веков и своей высотой обращены к небу.

2.2. Концепты «любовь» и «смерть»

Универсальными категориями бытия также являются концепты «любовь» и «смерть». Об их нераздельности и неслиянности говорил, в частности, известный философ З. Фрейд, чье учение об Эросе и Танатосе оказало огромное влияние на мыслителей и деятелей искусства XX века.

Первые упоминания о любви ученые находят в древних источниках. Это чувство — одна из центральных тем древнегреческих мифов (в которых героями являются боги любви: Эрот, Гимерот, Гименей и другие), поэзии Овидия, Горация, Вергилия; прозе Апулея; драме Еврипида и Софокла.

Изначально особое внимание уделялось телесности любви, но постепенно стал возрастать интерес и к духовной составляющей. В трудах мыслителей классической эпохи — Сократа, Платона, Аристотеля — зарождаются теории духовной любви; появляется наука философия, по своей сути являющаяся любовью к мудрости и познанию.

В христианской мифологии любовь становится одной из основ человеческого бытия. Евангелие говорит о любви как о залоге нравственности; любовь — это сила, которая творит добро. Христианский Бог — это воплощение спасительной любви: «Итак подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное» [Еф:5:1-2].

Сходные идеи мы находим в трудах средневековых философов. Так, Аврелий Августин противопоставлял земную любовь святой любви: «Любовью я называю, — пишет он, — стремление души наслаждаться Богом ради него самого, а собою и ближними — ради Бога...» [Цит. по: 136; с. 86].

Иначе звучала тема любви в Новое время. У людей эпохи Возрождения возникает интерес к «земным» отношениям, но вместе с тем не угасает интерес и к их духовной стороне. Так, например, Джордано Бруно пишет о героической любви: «Всякая любовь (если она героическая, а не чисто животная, именуемая физической и подчиненная полу, как орудию природы) имеет объектом божество, стремится к божественной красоте, которая прежде всего приобщается к душам и расцветает в них, а затем от них, или, лучше сказать, через них сообщается телам; поэтому-то благородная страсть любит тело или телесную красоту, так как последняя есть выявление красоты духа» [36; с. 56]. Для Рене Декарта любовь — это «волнение души» [52; с. 515].

«Сложность и важность любви, — считает современный исследователь А. Рубенис, — продиктованы тем, что в ней сфокусированы в органическом соединении физиологическое и духовное, индивидуальное и социальное, личное и общечеловеческое, понятное и необъяснимое, интимное и общепринятое» [116; с. 205]. Поэтому тема взаимоотношений между мужчиной и женщиной была и остается одной из самых актуальных тем в литературе. Духовная эмоционально-чувственная сторона любви

воплотилась в произведениях сентименталистов Ж.-Ж. Руссо, романтиков Г. Э. Лессинга, И. Г. Гердера, И. В. Гете, Ф. Шиллера.

В эпоху реализма Стендаль в трактате «О любви» выделил 4 ее вида: любовь-страсть, любовь-влечение, физическая любовь, любовь-тщеславие. «Всякая любовь, — пишет он, — которую случается наблюдать на земле, рождается, живет и умирает или возвышается до бессмертия, следуя одним и тем же законам» [126].

Есть мнение, что «в русской культуре концепт «Любви» понятийно не развит <...> или целомудренно не обсуждается» [127; с. 297]. Однако среди русского философского наследия XIX-XX веков мы находим различные мысли о любви. Так, у В. С. Соловьева есть цикл из 5 статей «Смысл любви», в которой он отмечает: «Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма. <...> ...половые отношения не только называются любовью, но и представляют, по общему признанию, любовь по преимуществу, являясь типом и идеалом всякой другой любви» [125]. Н. А. Бердяев писал о том, что любовь есть познание: «Любящий прозревает любимого через оболочку природного мира... Любовь есть путь к раскрытию тайны лица, к восприятию лица в глубине его бытия» [33; с. 428].

В классической русской литературе — у А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Б. Л. Пастернака, М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой и многих других — тема любви часто является сюжето- и смыслообразующей.

Общепотребительное значение слова «любовь» находим в лексикографических источниках: «Чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола» [35; с. 509].

С любовью неразрывно связана другая универсальная категория бытия — смерть.

Для древнего человека, в отличие от современного, она не была связана со страхом, так как душа, согласно религиозным учениям, всего лишь перемещается в другое тело, и живет также, как и жила. Древние философы, например, Пифагор, говорили о смертности человека и бессмертии богов.

В то же время древние египтяне представляли земную жизнь как подготовку к загробной. Отсюда проистекает особое внимание к потустороннему миру, который описан в «Книге мертвых».

Древнегреческий философ Эпикур указывал, что смерть — это естественное явление и поэтому ее не стоит страшиться. Сократ, Платон и их последователи учили, что душа и тело с самого начала принадлежат разным мирам. Душа — это часть вечного мира идей, а тело — праха; после смерти человека душа и тело возвращаются в эти миры.

Последняя идея была преобразована и легла в основу христианских учений. Для христиан человеческая смертность — это наказание за греховность. «В Новом Завете обостряется драматическое переживание смерти как конца личного бытия, — пишет П. П. Гайденко, — и в центре оказывается тема спасения человека — преодоление смерти Богочеловеком Христом, своей крестной смертью искупившим грехи человечества и чудом своего воскресения положившим конец господству смерти» [45]. В христианском представлении мира есть ад и рай. Куда после смерти тела отправится душа человека, зависит только от его земной жизни, поступков.

Идеи, заложенные в Евангелии, были развиты философами. Так, для епископа Игнатия (Д. А. Брянчанинова), смерть — это прежде всего таинство, это «рождение человека из земной временной жизни в вечность» [118; с. 67], поэтому необходимость постоянно помнить о бренности человеческого бытия.

В эпоху Просвещения мыслители отходят от христианских идей; ими отрицается переход души в иной мир после смерти. Спиноза, например,

писал о том, что мудрость человека состоит в том, что он думает прежде всего о жизни, а не о смерти.

В представлении русского философа Н. Н. Стрхова смерть — это благо, так как «Жизнь наша ограничена именно потому, что мы способны дожить до чего-нибудь, что можем стать вполне человеком, смерть же не дает нам пережить себя» [Там же; с. 88].

Концепт «смерть» является одним из базовых концептов во всех существующих культурах. Однако национальные культуры, каждая по-своему понимает смерть. Так, отечественный философ В. В. Розанов отмечает: «И русский человек не только глубоко постиг тайную красоту смерти и ползет к этой странной и загадочной красоте: но он и в самом деле умеет с величием умирать, он сам становится прекраснее в болезнях, в страданиях, в испытаниях. И особенно — прямо перед гробом» [114].

Тема смерти нашла отражение во многих литературных памятниках России прошлых столетий, в том числе в творчестве М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. А. Блока, других поэтов и писателей. Так, известный литературовед М. Ю. Лотман писал о том, что смерть позволяет осознать жизненную реальность; «литературное произведение, вводя в сюжетный план тему смерти, фактически должно при этом подвергнуть ее отрицанию» [86].

Общепринятое понимание смерти зафиксировано в толковом словаре русского языка: «Прекращение жизнедеятельности организма и гибель его. Прекращение существования человека, животного. Гибель, уничтожение чего-либо» [35; с. 1216-1217].

Нераздельность и неслиянность любви и смерти научно попытался объяснить родоначальник психоанализа З. Фрейд. Он отметил влечения к смерти и к жизни, любви, и назвал их именами древнегреческих богов — Танатоса и Эроса [141; с. 99-100]. В трудах отечественных философов мы также встречаем идеи взаимодействия любви и смерти. Например, Н. Ф. Федоров утверждал, что любовь плотская есть смерть: «рождение

детей есть вместе с тем смерть матери», а любовь к родителям, забота о них — путь к бессмертию: «сама природа в этом новом чувстве сознает свое прежнее несовершенство и усиливается воссоздать себя в новом виде, т. е. человек делается орудием воскрешения» [134]. У В. С. Соловьева читаем: «Истинная же духовная любовь не есть слабое подражание и предварение смерти, а торжество над смертью, не отделение бессмертного от смертного, вечного от временного, а превращение смертного в бессмертное, восприятие временного в вечное» [125].

Абсолютную неразделенность любви и смерти в женском характере отмечал Г. В. Ф. Гегель: «любовь прекраснее всего в женских характерах, ибо в них преданность, отказ от себя достигает наивысшей точки — они концентрируют и углубляют всю духовную и действительную жизнь в этом чувстве, только в нем находят опору своего существования. И если на них, на их любовь обрушивается несчастье, то они тают, как свеча, гаснущая от первого грубого дуновения» [46; с. 276].

Соединение двух противоположных начал мы находим в творчестве уральских поэтесс — М. Никулиной и Н. Ягодинцевой.

У Майи Никулиной концепт «любовь» вербализован в 67 лексемах, 41 существительном, 21 глаголе, 4 прилагательных и 1 деепричастии. Среди них: «любовь» (26 употреблений), «любить» (11), «не любить» (4), «разлука» (3), «свадьба» (2), «сердце» (2), «вдова» (2), «нелюбовь» (1), «роман» (1), «сводник» (1), «соперница» (1), «муж» (1), «однолюб» (1), «ославить» (1), «обольстить» (1), «ослепить» (1), «разлучить» (1), «обнять» (1), «отлюбить» (1), «любовный» (1), «любимая» (1), «влюблен» (1), «любимый» (1), «возлюбив» (1). Как видно из приведенных примеров, любовь для М. Никулиной — это антиномия между любовью и разлукой.

Лексика, описывающая любовь у Н. Ягодинцевой немного скромнее: у нее концепт «любовь» вербализован в 38 лексемах: 26 существительных, 11 глаголах и 1 прилагательном. Среди них: «любовь» (11 упоминаний), «сердце» (10), «любить» (8), «поцелуй» (2), «целовать» (2), «разлука» (1),

«страсть» (1), «нелюбь» (1), «не любить» (1), «любимый» (1). Меньшее количество употреблений в поэзии Ягодинцевой вовсе не означает, что тема любви для нее менее значима. Напротив, поэтесса искусно и детально может описать чувства, не прибегая к точной номинации. Так, например, в стихотворении «Вспоминаю я, печалюсь...» главным объектом является как будто бы бабочка: «Вспоминаю я одно: / Как долго бабочка стучалась / В ночное чёрное окно». Образ бабочки становится метафорой людских чувств, притом что слово «любовь» в тексте не упоминается:

Но мы не разнимали руки,
Не отводили жадных глаз:
Безумье завтрашней разлуки
Волною захлестнуло нас. [10; с. 73].

У Майи Никулиной мы также встречаем метафору «любовь-бабочка»:

Любовь моя, тоска, причуда,
ночная бабочка, глупыш,
который раз в огне горишь
и возникаешь ниоткуда [4; с. 32].

Бабочка издревле считалась символом бессмертия, так как ее трансформация из куколки (по сути, куколка — это смерть гусеницы) в прекрасную легкую бабочку похожа на возрождение души. В современном понимании это насекомое олицетворяет скоротечность, внешнюю красоту и легкость, а также незащищенность и хрупкость бытия: «Как серебристо осыпалась / Пыльца с её тяжёлых крыл» (Н. Ягодинцева). Судьба любви в обоих анализируемых стихотворениях подобна жизни бабочки: яркость и красота скоротечны, мимолетны; вспыхнув, мгновенно угасают: «Эй ты, застенчивый, недавний, / я больше не люблю тебя» (М. Никулина), «Безумье завтрашней разлуки / Волною захлестнуло нас» (Н. Ягодинцева).

Любовь часто передается через явления природы при помощи параллелизма и противопоставления: любовь-непостоянное, природа-вечное:

Деревья стали выше, небо проще,
земля осталась, а любовь ушла.
Не жду ни слова, ни звонка, ни стука...
И милый бросил, и душа в бреду —
такая волчья, нутряная мука.
Такое солнце в утреннем саду. [3; с. 80].

Закрывать глаза и наконец
любовь оливы к винограду
принять как высший образец [2; с. 474].

Июль идёт грозой. Он весел и разгневан,
И он – сама любовь, и оправдания нет [10; с. 251].

В стихах Майи Никулиной, с ее притяжением к античности, мы находим множество пар героев мифов и литературных произведений: Дафнис и Хлоя, Орфей и Эвридика, Одиссей и Пенелопа, Тристан и Изольда, Дон Жуан и Донна Анна, Робин Гуд и Марион.

Даже в стихотворении «Апрель» мы отмечаем обратный параллелизм — описание природы через человеческие чувства:

Он гнал тюльпаны и левкой,
он явно норовил сгореть
и разразиться в сентябре
романом Дафниса и Хлои... [4; с. 52].

Стихи М. Никулиной содержат множественные отсылки к мировой культуре. Поэтесса обращается к известным сюжетам и знаковым именам: «Перипетии старого романа, / страдания Изольды и Тристана, / разрозненных завистливой судьбой,— / Зачем мне выпал этот жребий

снова...» [3; с. 87], «Но успевшая быстрее / умереть / и оттого / не ведомая Орфеем, / по ведущая его» [Там же; с. 67], «— Ах, Лесбия... она тебя не любит... / Она других целует по ночам» [Там же; с. 56], «И точно ли обман / в том повороте странном, / что плачет Дон-Жуан / у окон донны Анны» [Там же; с. 59], «...проходит неверный Тристан / с кровавой отметкой на шее» [Там же; с. 62], «...Не придет он к тебе, Пенелопа, / никогда он к тебе не придет» [2; с. 459].

У Нины Ягодинцевой, напротив, мы нашли упоминание лишь одного мифологического персонажа — бога Харона, который, согласно греческим представлениям, перевозил души умерших через реку Стикс в Подземное царство Аида: «Харон отдыхает: мы помним о том, / Что с нами случилось сейчас и потом» [10; с. 95].

У Майи Никулиной концепт «смерть» вербализован в 79 лексемах, среди которых 33 существительных, 15 прилагательных, 24 глагола, 6 причастий и 1 наречие. Наиболее употребляемые: «смерть» (13), «умирает» (10), «могила» (6), «прах» (6), «хоронить» (4), «смертельная» (3), «убитые» (3), «могильные» (2), «смертная» (2), «смертник» (2), «умерли» (2), «мертва» (2), «мертвая» (2), «погибшие» (2), «потеря» (1), «покос» (1), «поминки» (1), «забвение» (1), «тризна» (1), «кончина» (1), «моровой» (1), «посмертная» (1), «погребальный» (1), «несмертный» (1), «помирать» (1), «умирал» (1), «скорбеть» (1), «убьют» (1), «умереть» (1), «сгинуть» (1), «отпевать» (1), «убьешь» (1), «убито» (1), «неубиенных» (1).

Большое количество глагольных форм «умирает», «помирать», «умирал», «умерли», «умереть», «сгинуть» показывает, что смерть воспринимается лирической героиней как процесс, а лексемы «убьют», «убьешь», «погибшие», «убитые», «неубиенные» — что она носит насильственный характер. Анализ лексики показывает, что в речевом портрете поэтессы больше всего разработан понятийный аппарат, кроме этого, для М. Никулиной смерть — это не только прекращение жизни человека, но и связанные с этим обряды: отпевание, похороны, скорбь.

У Нины Ягодинцевой концепт «смерть» вербализован в 54 лексемах: 26 существительных, 12 глаголов, 12 прилагательных, 3 наречия, 1 деепричастие. Среди них: «смерть» (21), «умирать» (6), «смертельный» (3), «гиблый» (2), «мертвое» (2), «казнь» (1), «могила» (1), «мертвец» (1), «прах» (1), «тлен» (1), «не умирать» (1), «кануть» (1), «гинуть» (1), «губить» (1), «гибнуть» (1), «казнить» (1), «не умирая» (1), «похоронен» (1), «бездыханно» (1), «мертвецки» (1), «смертельно» (1), «погибшие» (1), «погубленный» (1), «смертный» (1), «губительный» (1).

В отличие от Майи Никулиной, у Нины Ягодинцевой смерть — это только процесс прекращения жизни. Обе поэтессы часто прибегают к табуированию моральной лексики, заменяя ее на «нейтральную». У Никулиной находим: «обернулся полем», «потерялся», «не вернулись никогда», «упал и не встал», «все уходят, уходят, никто не вернется», «навсегда нерожденных детей», «прахом в жирную землю легли», «это плотью твоей утолилась земля и окрепла»; у Н. Ягодинцевой: «Словно по руслу спящих рек / Кто-то безвестный уносит жизнь».

Значительное место в творчестве Майи Никулиной занимают стихотворения, посвященные Великой Отечественной войне (например: «Глазами всех солдат, погибших на войне...», «Балаклавское шоссе», «Снится, снится, снится...», «В горчайшем и победном сорок пятом...», «Клава», «Сережина балалайка» и др.), которая оставила неизгладимый след в душе поэтессы. «Мое реальное время, которое я помню и в котором жила, началось с войны», — пишет в автобиографии Майя Петровна [133; с. 273].

В стихотворениях о Великой Отечественной тема любви звучит особенно трагично. М. Никулина, пережившая тяжелое военное детство, очень остро и трепетно, так, как может только женщина, описывает судьбу поколения, чья молодость пришлась на роковые годы войны. Прежде всего, эти стихотворения — о нереализованных чувствах: «Все ее красивые ребята / в сорок первом или сорок пятом – / только не вернулись

никогда. / Не хватило Клаве женихов, / ни худых, ни хворых не хватило...» [3; с. 17], «...подстерегла нас година лихая: / милого друга в поход провожаю» [Там же; с. 16]. Поэтому атрибутика свадьбы, которую в России всегда широко и весело отмечали «всем миром», окрашивается в траурные краски. Так, в стихотворении о талантливом музыканте мы читаем: «Ему бы на свадьбах только / играть. / Но была война» [Там же; с. 21]. Пред нами возникают искалеченные судьбы парней и девушек, образы «седых невест», «убитых женихов» и «нерожденных детей»:

Я печальная жница
чужих перезревших смертей...
Встань, убитый жених,
раздели мою страшную долю,
отмоли за меня
навсегда нерожденных детей. [Там же; с. 27].

Лирическая героиня М. Никулиной четко осознает, какой ценой обошлась победа в войне. Она по-женски мужественно может посмотреть суровой правде в глаза, прочувствовать чужое горе и ощутить родство с незнакомыми ей героями:

Смерть грозит и лает
из стальной норы.
Брат мой умирает
у Сапун-горы [Там же; с. 13].

Словно он и вправду был
слаще мужа, ближе брата,
так любил меня когда-то,
что себя не пощадил [Там же; с. 11].

Эта сила общности судьбы порождает чувство долга, вины и горечи: «Я осталась в живых, / но черно мое ратное поле». [Там же; с. 27],

«Страданьем матерей, тоской седых невест / я день и ночь таю смертельную тревогу...» [Там же; с. 5].

Н. Ягодинцева — представитель послевоенного поколения. В ее стихотворениях тема войны почти не звучит; а если и появляется, то в качестве обобщенного образа множественных в истории России войн и человеческих трагедий: «Позади война, впереди война, / Крошится гранит, меркнут имена. / Позади зола, впереди огонь. / Заслони дитя – протяни ладонь» [10; с. 92], «И кто-то падает крестом / И осеняет поле / На три открытых стороны: / России, вечности, войны» [Там же; с. 266]

В стихотворениях уральских поэтесс чувство любви часто сравнивается или ставится в один ряд с другими сильными чувствами — смертью, враждой, ненавистью: «Сто лет назад один мятежный дух / заметил эту сладостную тягу / и подсказал, что больно страшен узел / любви, вражды, надежды и стыда...» [3; с. 37], «С начала игра никогда не начнётся: / Убитый, влюблённый, хмельной – не очнётся» [10; с. 95], «Зарёй горячей, незакатной, / Чужой судьбой... / Любви и смерти не загадывай — / Они с тобой» [Там же; с. 195].

У М. Никулиной смерть предстает в образе соперницы, которая не позволяет лирической героине быть счастливой, разрушает жизнь: «До чего сегодня хороша / вечная соперница моя...» [3; с. 8], «Я таких смельчаков и юнцов / уступила ей, суке постылой. / Наклонялась над ветхим лицом, / и она мне дышала в затылок» [Там же; с. 86]. Но в итоге провозглашается ее торжество:

Любовь к земле, вскормившей белый свет
и солнцем озарившей наши лица,—
покуда это множится и длится,
душа права и смерти в жизни нет.
И смерть права [Там же; с. 54-55].

В моменты наивысшего любовного напряжения, когда смерть и любовь сходятся, у лирической героини появляется власть над временем,

или время перестает течь в привычном порядке, что позволяет говорить о значимости данных образов в картине мира обеих поэтесс: «Как мы любили друг друга! / И уходящая жизнь хороша. / Время срывается с круга» [Там же; с. 51], «Кто держит эту музыку в губах, / какой слезой легко омыто око, / узревшее, как просто и жестоко / любовь и смерть привстали в стременах? [Там же; с. 39], «...где об руку идут любовь и смерть, / не в силах обогнать одна другую» [Там же; с. 6], «Время останавливается / Перед любовью и перед смертью...» [10; с. 93], «Умри от нежности — тогда / Тебе придётся жить по новой» [Там же; с. 210], «И вечность проходит, и в очи не посмотреть: / Ведь если это любовь, то она же — смерть» [Там же; с. 328], «Когда бы знала я, в каких мирах / Его душа испытывает страх / Прошедшей жизни, тьмы её и света, / Я возвратила бы её назад, / В исполненный цветенья майский сад, / Где есть одна любовь, а смерти нету...» [Там же; с. 261].

Говоря об особенностях любовной лирики М. Никулиной и Н. Ягодинцевой, необходимо упомянуть стихотворения, посвященные Родине. Для уральских поэтесс патриотизм — всеохватная влюбленность в Россию, особенно ее природу. Нежные чувства к родной земле переданы с особым трепетом, присущим женскому сердцу:

Ну, песни слагать, ну, детей рожать,
ну, гибнуть в тоске незрячей
за вечное счастье принадлежать
земле, по которой плачу [3; с. 102].

Если о России

Не говорить, не думать, не дышать,
И глину не месить лаптями, сапогами,
Колёсами поющих жалобно телег —
Мы канем в пустоту, не отыскав ночлег,
В урочный час небесного отлива [10; с. 18].

И родная земля отвечает взаимностью:

чтобы знали мы, вольные люди,
чем земля нас томит и тревожит,
что она нас лелеет и любит
и что с нами расстаться не может [3; с. 69].

Как мне странно, что любит меня этот старый сад,
Словно я — это яблоневого дитя [10; с. 22].

Для М. Никулиной пространство Урала и Крыма всегда неразрывно связано. Полуостров в ее поэзии прочно связан с Грецией, он как будто кусочек Эллады в России:

В полмира снег, сугробы и метели,
сплошная ледяная благодать...
Ну где еще о Греции мечтать,
когда бы не Россия... [2; с. 435].

Стихотворения Н. Ягодинцевой о Родине более конфликтны и драматичны. Ее лирическая героиня тонко чувствует не только радость общения с Россией, но и горечь: «Родина – таинственная мера / Боли и любви» [10; с. 262].

В ее стихах возникает образ «немыслимой России»: «На белый свет, в луга сырые, / В росу немыслимой России» [Там же; с. 221], с ее особой горькой судьбой: «С покорных на Руси всегда берут втройне — / В миру и на войне, в воде или в огне» [Там же; с. 97]. Отношение поэтессы к Родине воплощается в «правилах жизни» и гимне родным местам:

В России надо жить бездомно и смиренно.
Не стоит наживать ни золота, ни тлена —
Ни счастье, ни беда тебя не оправдают,
Дворец или тюрьма — никто не угадает.
В России надо жить не хлебом и не словом,

А запахом лесов — берёзовым, сосновым,
Беседовать с водой, скитаться с облаками
И грозы принимать раскрытыми руками.

<...>

Великая страна, юдоль твоя земная,
Скитается в веках, сама себя не зная... [Там же; с. 90].

Совсем другим настроением проникнуты стихотворения Н. Ягодинцевой о малой Родине. Ее поэзия богата уральскими топонимами. Природа Южного Урала для ее лирической героини — место, которое не оставляет равнодушным, затрагивает тончайшие струны души. Так, например, в стихотворении «Златоуст» описывается душевное и физическое состояние: «Закрываешь глаза, забываешь дышать и звенишь, как медь, / Но прозрачный краешек Уреньги начинает тлеть» [Там же; с. 101]. Малая Родина для Н. Ягодинцевой, — это там, где легко и беззаботно дышится:

Над полетаевскими рощами,
Над светлыми березняками
Льняные облака полощем мы
Трудолюбивыми руками [Там же; с. 57].

А уральские горы — источник жизненных сил, спасение:

Вспоминая Сыростан,
Вспоминаешь неземное:
Словно снег несёшь устам,
Истомившимся от зноя [Там же; с. 99].

Из каменных ладоней гор,
Как из любимых рук,
Пить! И согласный птичий хор
Всё выпекает звук:

Пить! В окружении камней
 Трепещет озерцо,
 И сонмы солнечных огней
 Ложатся на лицо:
 Пить! Льнёт и ластится вода,
 Но тайный холод крут.
 Вот так, наверно, пьют, когда
 Из Леты пьют [Там же; с. 103].

Итак, структура концептов «любовь» и «смерть» выглядит так:

Таблица 2.

Имя концепта	Ядро	Приядерная зона	Периферия
Любовь	Чувство глубокой привязанности и к кому-либо, чему-либо. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола	Любить, не любит, разлука, свадьба, сердце, поцелуй, страсть Любовь = смерть: «...где об руку идут любовь и смерть, / не в силах обогнать одна другую» (Никулина), «И вечность проходит, и в очи не посмотреть: / Ведь если это любовь, то она же — смерть» (Ягодинцева)	Любовь = бабочка «Вспоминаю я одно: / Как долго бабочка стучалась / В ночное чёрное окно» (Ягодинцева), «Любовь моя, тоска, причуда, / ночная бабочка, глупыш» (Никулина). Природа-вечное, любовь-временное «Деревья стали выше, небо проще, / земля осталась, а любовь ушла» (Никулина) Любовь родной

			<p>земли</p> <p>«чтобы знали мы, вольные люди, / чем земля нас томит и тревожит, / что она нас лелеет и любит / и что с нами расстаться не может» (Никулина),</p> <p>«Как мне странно, что любит меня этот старый сад, / Словно я — это яблоневое дитя» (Ягодинцева)</p> <p>Родина = горечь</p> <p>«Великая страна, юдоль твоя земная, / Скитается в веках, сама себя не зная...»,</p> <p>«Родина — таинственная мера / Боли и любви» (Ягодинцева),</p>
Смерть	Прекращение жизнедеятельности организма и гибель его. Прекращение	Умирает, могила, прах, хоронить, гиблый, казнь, обернулся полем, потерялся, не вернулись никогда	<p>Война = несостоявшаяся свадьба</p> <p>Я печальная жница / чужих перезревших смертей... / Встань, убитый жених, /</p>
		Война = Смерть	

	<p>е существован ия человека, животного. Гибель, уничтожение чего-либо</p>	<p>«Смерть грозит и лаает / из стальной норы. / Брат мой умирает / у Сапун-горы» (Никулина), «Позади война, впереди война, / Крошится гранит, меркнут имена. / Позади зола, впереди огонь. / Заслони дитя – протяни ладонь» (Ягодинцева)</p>	<p>раздели мою страшную долю, / отмоли за меня / навсегда нерожденных детей (Никулина) Смерть = соперница «До чего сегодня хороша / вечная соперница моя...» (Никулина) Родина = смерть «проситься на посуточный постой / не далее Исети и Сысерти, / сознательно потворствуя одной / привычке проживать по месту смерти» (Никулина), «Из каменных ладоней гор, / Как из любимых рук, / Пить! И согласный птичий хор / Всё выпекает звук: / Пить! В окружении камней / Трепещет озерцо, / И сонмы солнечных огней /</p>
--	--	--	---

			Ложатся на лицо: / Пить! Льнёт и ластится вода, / Но тайный холод крут. / Вот так, наверно, пьют, когда / Из Леты пьют» (Ягодинцева).
--	--	--	---

Подводя итог, отметим несколько важных особенностей. Во-первых, для поэзии М. Никулиной и Н. Ягодинцевой характерно соединение концептов «любовь» и «смерть», их взаимопроникновение, что оттеняет «минорной» нотой любовь. Это объясняется, прежде всего, женской натурой, которая очень тонко чувствует и переживает разные эмоции. Во-вторых, эти два концепта воплощаются в понятии Родины, особенно малой родины — Урала: Россия — это объект безграничной ответной любви, место проживания и одновременно место смерти:

А тянет помнить и благодарить
 и отпускные сроки проводить
 в садово-огородной благодати,
 купить шесть соток где-нибудь на Гати,
 а если не получится купить,
 проситься на посуточный постой
 не далее Исети и Сысерти,
 сознательно потворствуя одной
 привычке проживать по месту смерти [1].

2.3. Концепты «вода» и «камень»

В выстраиваемой нами концептосфере женской уральской поэзии значимым, центральным является неразрывность женского (вода) и уральского (камень).

Поскольку вода является одной из фундаментальных стихий мироздания, комплекс вопросов, связанных с её постижением, занимает особое место в человеческом сознании. В космогонии многих народов вода знаменует собой начало и конец всего сущего, соединяя в себе мотив зарождения жизни и мотив потопа. С мотивом воды как первоначала соотносится символика ритуального омовения как второго рождения, нового выхода из материнской утробы. Вода живая, свежая, ключевая, нередко представляется образом оживляющего благословения Божия.

В русской культуре вода, огонь и земля были и до некоторой степени остаются дивными стихиями. Считается, что вся вода произошла из волшебного источника. Реки сначала появились из-под волшебного камня, белого камня, нареченного «алатырь». Отсюда они растеклись по всему миру, став источником как исцеления, так и питания. В русском фольклоре вода тесно связана с кровью и жизненной силой. Например, волшебная живая и мертвая вода может соединить воедино изрубленное тело и оживить его.

Общеупотребительным является следующее понимание воды: «Прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, река, озера, моря и представляющая собой химическое соединение водорода и кислорода. Водное пространство моря, реки и т. п., его поверхность, уровень» [35; с. 139].

Концепт «вода» — важнейший в женской картине мира, метафора воды представляется определяющей специфику женского письма в целом и женской уральской поэзии, в частности.

Вопросы пола, женского начала и женственности неоднократно становились предметом напряженной рефлексии в работах русских

философов Н. Бердяева, В. Розанова, Д. Мережковского, В. Соловьева, Д. Андреева, С. Булгакова и др. Приведем несколько высказываний. Так, Н. Бердяев пишет: «женщина — существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа» [33; с. 432]. У С. Булгакова читаем: «Женщина ...инстинктивна ...полна нелогической и неличной мудрости, простоты и чистоты» [37; с. 267]. Для В. Розанова сущность женской природы — «нежность, мягкость, податливость, уступчивость. <...> В психике женской есть то качество, что она не жестка, не тверда, не очерчена резко и ясно, а, напротив, ширится как туман, захватывает собою неопределенно далекое; и, собственно — не знаешь, где ее границы» [113; с. 39-40].

Во второй половине XX века женское сознание и женское творчество оказывается в центре внимания англо-американских и французских ученых, в частности, в работах Е. Гоцило, Ю. Кристевой, Р. Марш, Э. Сису, Б. Хелдт, Дж. Эндрю. Современные российские исследователи активно изучают зарубежный опыт, адаптируя западную терминологию к русскому культурному контексту.

В творчестве М. Никулиной и Н. Ягодинцевой концепт «вода» представлен большим количеством единиц, разных по структуре: название стихотворения, фраза, слово-образ.

В стихотворениях М. Никулиной он репрезентуется с помощью таких существительных, как «вода» (упоминается 24 раза), «дождь» (18), «море» (17), «река» (11), а также в меньшем количестве встречаются «колодец», «роса», «хлябь», «пучина», «влага», «брод», «волна». Среди глаголов нами обнаружены слова «плыть» (7), «мыть» (4), «хлынуть» (2), «литься» (2), «топить» (1), «стекать» (1), «вычерпывать» (1), «полоскать» (1), прилагательных — «мокрый» (6), «влажный» (2), «хлюпающий» (1), «непросыхающий» (1).

У Нины Ягодинцевой наиболее часто употребляется слово «река» (23), «вода» (19), «волна» (8), «отлив» (3), «прилив» (3), «дождь» (2),

«ручей» (2), «колодец» (2) «влага» (2), «капли» (2), по одному разу встречаются «русло», «пруд», «роса», «плеск», «болото», «поток», «кипяток», «тина», «ил». Среди глаголов самыми используемыми являются «лить» (13), «плыть» (11), «течь» (9), «плескаться» (4), «брызгать» (1), «хлынуть» (1), «полоскать» (1), «мыть» (1), «бурлить» (1), «струиться» (1). Так же встретилось по одному причастие «забрызганный», прилагательное «разливной» и наречие «влажно».

Сам отбор тех или иных образов — результат индивидуально-авторской культурной интерпретации мира. В интерпретации художественных концептов есть общие составляющие, обозначим их так: мифологическая, экзистенциальная, географическая.

Концепт «вода» в творчестве уральских поэтов неразрывно связан с мифологическими образами смерти и забвения, границы между миром живых и мертвых. Так, у Майи Никулиной упоминаются река Каяла («А тебя убьют на реке Каяле» [3; с. 90]) и древнегреческая Лета — река забвения в подземном царстве — Аиде. В стихотворении «Обеднела река, обмелела...» [Там же; с. 52] образ Леты сосуществует с образом перевозчика, связующего мир живых и мертвых. В стихотворении «Волны синие шуршат» [Там же; с. 69] перевозчик, «седой, горбатый», предлагает героине утешение, когда «забудешь все заботы навсегда»:

Круто небо. Страшен путь.

Лодка что-то расщелялась.

Дно течет. Весло сломалось...

Мотив вступления в реку подразумевает начало важного дела, а переправа через неё — его завершение, обретение нового статуса, чаще всего переход в царство мертвых. У Нины Ягодинцевой мы встречаем мифологический образ из славянской мифологии — Калинов мост, который, согласно русскому фольклору, находится на речке Смородине и соединяет мир живых и мертвых:

Грошик серебряный — хлеба купить или просто

В стылую воду забросить с Калинова моста? [10; с. 59].

Экзистенциальная составляющая концепта выражается в том, что вода выступает эквивалентом жизненных сил, течения времени. Сближение понятий «вода» и «время» осуществляется на основании их текучести: «*Время* расходится, как по *воде* круги» [Там же; с. 285]; «Как вечность *бездонна*, / Как время бежит» [Там же; с. 263].

Куда бежать воде? Куда векам стремиться
И нам держать свой путь? [Там же; с. 68].

У Никулиной мы читаем:

не той ли ночью выпали дожди
в густую пыль измученных окраин... [4; с. 46].

В ее стихотворениях много упоминаний дождей, которыми можно «дышать». Воде противопоставляется губительный для всего живого зной. Сад только после дождя «весь просыпается и плачет, в себя неловко приходя» [Там же; с. 47]. Дождь, воплотившись в метафору («мои неосвященные престолы»), выражает сакральную сущность воды:

Напившись влагой поднебесной,
созрел тяжелый виноград... [3; с. 38].

Аналогичный образ с экзистенциальным подтекстом находим и у Ягодинцевой в стихотворении «Когда настанет час небесного отлива...».

За памятью память, за волнами тёмные волны —
Вселенский прибор.
И любишь невольно, и всё забываешь невольно,
И небо с тобой [10; с. 177].

На пути осмысления жизни, возвращения к её истокам цепочка образов принимает следующий вид: вода — *река* — *природа* — *Бог* — *слово* — *речь*.

Образ реки и в мифологической, и в фольклорной традиции имеет целый ряд символических значений. С одной стороны, это препятствие,

угроза, с другой, журчащая — льющаяся речь и сила прорицания. Идентификация реки с речью основана на моменте перетекания и акустическом эффекте журчания воды:

И небо — речь, и поле — речь
И рек студеные реченья —
Обнять, утешить, оберечь,
Благословить на ополченье [10; с. 204].

Вода и ветер, ветер и вода...
Я выучила слово «никогда»,
Но и его когда-нибудь забуду —
И только плеск воды под вёслами
И невесомый скрип уключин...
Господь! Когда мы станем взрослыми
И азбуку Твою изучим [Там же; с. 261].

Географическая составляющая концепта «вода» в творчестве Никулиной и Ягодинцевой представлена уральскими топонимами — названиями рек.

У Никулиной:

А тянет помнить и благодарить
и отпускные сроки проводить
в садово-огородной благодати,
купить шесть соток где-нибудь на Гати,
а если не получится купить,
проситься на посуточный постой
не далее Исети и Сысерти,
сознательно потворствуя одной
привычке проживать по месту смерти [1]

У Ягодинцевой:

На том берегу Юрюзани,
Словно уже на небе,
Избы стоят высоко...
Смотришь так отрешенно,
Словно душа узнала,
Куда ей потом вернуться [10; с. 138].

«Вода» в творчестве уральских поэтесс тесно переплетается с другим опорным концептом — «камень / гора». Это связано с географическими особенностями и историей Урала.

Концепт «камень» в творчестве М. Никулиной вербализован в 24 лексемах: «камень» (5 упоминаний), «гора» (5), «Сапун-гора» (3), «склон» (2), «мел» (2), «мрамор» (1), «плита» (1), «твердеть» (1), «скала» (1), «известняк» (1), «каменный» (1), «Мангуп» (1).

У Н. Ягодинцевой концепт «камень» воплощен в 47 словоформах: «камень» (14), «каменный» (8), «гора» (7), «алмазный» (2), «базальт» (2), «Иремель» (2), «Зюраткуль» (1), «Уреньга» (1), «Зигальга» (1), «Таганай» (1), «Нургуш» (1), «глыба» (1), «брусчатка», «янтарная» (1), «гранит» (1), «скала» (1), «бриллиант» (1).

Ю. Казарин в этой связи пишет: «Концептуально поэзия Майи Никулиной основывается не на общепринятом единстве жизни — смерти — любви (хотя — и это является структурно необходимым и неотъемлемым), а на природном, космическом, добиблейском хронотопе гора — суша — вода...» [71; с. 431-432].

Значимость «горы» (то есть «камня» по сути) для Ягодинцевой отмечает в своей рецензии К. Рубинский: «Горы для Ягодинцевой — это там, где ближе всего к «пределу»; вечность в горах похожа «на синюю стаю китов, плывущих навстречу солнцу», а взбирающиеся на вершины однажды делают это в последний раз, «чтобы потом вернуться в город и жить как все», но их дети наследуют крылатую страсть к высотам» [117; с. 13-14].

Общее понимание слова «камень» зафиксировано в толковом словаре: «Всякая твердая, нековкая горная порода в виде сплошной массы или отдельных ее частей. Отдельный кусок такой породы» [35; с. 412-413].

Камень традиционно в культуре ассоциируется с прочностью, надежностью, твердостью. Основные свойства камня — сила и целостность.

Гора — это не просто природное возвышение, в символическом смысле это духовная высота, место соприкосновения неба и земли, воплощение нравственного поиска, стремления к добродетели. Одновременно «камень / гора» является символом мужского начала.

В мифологиях разных народов гора воспринимается как мировая ось, соединяющая небо и землю. Как правило, гора находится в центре мира и состоит из трех частей. Ее верхушка упирается в Полярную звезду и служит входом в верхний мир, а ее основание является и указывает место спуска в нижнее царство.

В художественной литературе мифологический образ горы как модели вселенной не является определяющим. Мастеров слова интересуют горы как географический естественный пейзаж, символизирующий вечность и чистоту, совершенство и духовное просветление.

Так, Н. Ягодинцева акцентирует сакральную природу камня: «Словно прощение / Держат над бездною / Камни священные, / Глина небесная» [10; с. 172].

По каменным ручьям, по грозным гулким рекам -

Тома тяжёлых скал,

Как будто свой архив Господь-библиотекарь,

Спеша, перемешал [Там же; с. 68].

Мифологическая составляющая концепта у М. Никулиной выражается в стихотворении «Троя», в котором «камень» сплетен с героями древнегреческих мифов:

Кто их, ушедших в такую даль,

встретит, пригреет и приголубит,
если ни камень, ни медь, ни сталь
жадному золоту не уступит?
Кто же ещё в облаках,
в белом безлюдье,
кормит надежду и страх
каменной грудью? [6].

Мифологема «Троя» проявляется в значении «город, который был любимым для богов, а стал чужим, враждебным из-за грехов его жителей». Это место, где создавалась культура, зарождалось и развивалось искусство, одна из античных колыбелей человечества. Изображение горы чаще всего конкретизировано топологически, географически и по своему строению (подошвы, склоны, утесы, ущелья и т. д.).

Урал у Майи Никулиной никогда не называется прямо, наименование происходит опосредованно через понятие «камень»; у Нины Ягодинцевой, напротив, топонимика Урала представлена широко и разнообразно. В стихах Ягодинцевой запечатлелась ее любовь к подъёму на вершины и сама символика гор — их красота и сила, крепость и неприступность. Её «горные» стихи наполнены ощущением вечности. Обилие метафор и эпитетов дарит этому и без того волшебному образу красоту и величественность: «Дремучих гор крутые лбы...», «Из каменных ладоней гор...»:

Музыка моя, Иремель тоски,
Кисловатая карамель высот.
Даже если гибель и не спасти —
Все равно спасет...
Ах, сметало ж небо к зиме стога
Для спасенья наших голодных душ —
Иремель, Зюраткуль да Зигальга,
Таганай, Нургуш...

Обжигая губы об имена,
 Не позаришься на чужую ложь.
 Три глотка спасительных: «Ро-ди-на» –
 И опять живешь [10; с. 240].

Экзистенциальное значение камня в творчестве Никулиной и Ягодинцевой заключается в формуле «камень» = «малая Родина». Уральские горы — центр Вселенной в художественной картине мира обеих поэтесс. Родные места — это всегда источник жизненных сил и вдохновения:

Принимая новую природу
 в нынешнем прижизненном раю,
 не огонь, не воздух и не воду —
 камень узнаю [6].

В беседах с Ю. Казариным поэтесса формулирует свое кредо: «Существует естественная и совершенно искренняя привязанность человека к родному краю, существует связанная с надеждой на исцеление вера в спасительную силу природы, но редкие люди могут любить землю, как живое существо, тосковать и болеть без нее и умирать в разлуке с нею. Это не тема природы и не пейзажная лирика, это главная любовь в жизни, это все обо всем...» [71; с. 416].

Представим структуру концептов «вода» и «камень»:

Таблица 3.

Имя концепта	Ядро	Приядерная зона	Периферия
Камень	Всякая твердая, нековкая горная порода в	Гора, плита, склон, скала, гранит	Камень = Урал «Музыка моя, Ирмель тоски, / Кисловатая карамель высот» (Ягодинцева)

	<p>виде сплошной массы или отдельных ее частей. Отдельный кусок такой породы</p>		<p>Камень = жизнь «Принимая новую природу / в нынешнем прижизненном раю, / не огонь, не воздух и не воду — / камень узнаю» (Никулина), «Для спасенья наших голодных душ — / Иремель, Зюраткуль да Зигальга, / Таганай, Нургуш... / Обжигая губы об имена, / Не позаришься на чужую ложь. / Три глотка спасительных: «Ро-ди- на» — / И опять живешь» (Ягодинцева)</p>
Вода	<p>Прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, река, озера, моря и представляю щая собой химическое соединение водорода и</p>	<p>Дождь, море, река, плыть, волна, лить, течь Вода = смерть «А тебя убьют на реке Каяле» (Никулина), «Грошик серебряный – хлеба купить или просто / В стылую воду забросить с Калинова моста?»</p>	<p>Вода = Урал «проситься на посуточный постой / не далее Исети и Сысерти, / сознательно потворствуя одной / привычке проживать по месту смерти» (Никулина), «На том берегу Юрюзани, /</p>

кислорода. Водное пространство моря, реки и т. п., его поверхность, уровень	(Ягодинцева) Вода = жизнь «не той ли ночью выпали дожди в густую пыль измученных окраин» (Никулина), «За памятью память, за волнами тёмные волны — / Вселенский прибой. / И любишь невольно, и всё забываешь невольно, / И небо с тобой» (Ягодинцева)	Словно уже на небе, / Избы стоят высоко... / Смотришь так отрешенно, / Словно душа узнала, / Куда ей потом вернуться» (Ягодинцева)
---	--	--

Действительно, поэзия М. Никулиной и Н. Ягодинцевой могла появиться только на Урале — «в краю озер и рудных скал» — где горы одновременно соединяют и разделяют два континента — Европу и Азию. Несмотря на утвердившийся в русской культуре «суровый» облик Урала (вспомним А. Твардовского: «Урал — опорный край державы, ее добытчик и кузнец»), женские стихи об Урале излучают тепло, участливость, заботу, материнское отношение ко всему живому и сущему.

Сочетание в уральской женской поэзии опорных концептов «вода» и «камень» воплощает идею «мужественной женственности». Именно этим оксюмороном определяют своеобразие творчества известной уральской поэтессы XX века Л. Татьяничевой [92]. Это знак неразрывного, органичного сочетания мужского (камень) и женского (вода) начал. С женским началом ассоциируется нежность, душевность, сострадание, верность. Одновременно женской уральской поэзии присущи «мужские

черты»: сила, выносливость, стойкость. Именно эта органика нашла свое воплощение в поэтических текстах Майи Никулиной и Нины Ягодинцевой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема диссертационного исследования связана со значительными изменениями в культурном представлении об Урале. С давних времен и почти до конца XX века наш регион ассоциировался преимущественно с горнозаводской и металлообрабатывающей промышленностью. В конце XX столетия Урал перестает мыслиться исключительно как промышленный центр, а его города претендуют на звание культурных столиц, о чем свидетельствуют проект «Пермь — культурная столица России», исследование В. Абашева «Пермь как текст», проект В. Кальпиди «Уральская поэтическая школа», культуртрегерский проект М. Волковой «ГУЛ» и др.

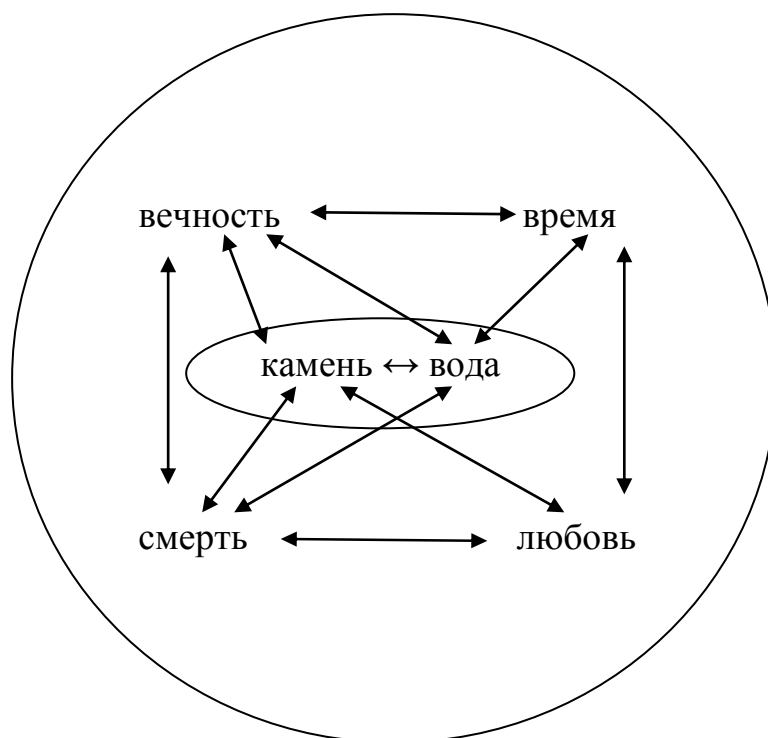
Уральская поэтическая школа представлена большим количеством имен, в нее входят поэты с разными эстетическими установками, но связанные ментальными отношениями. Проанализировать эту связь можно с помощью концептуального анализа, который предполагает выявление и описание концептов творчества одного или нескольких авторов.

В данной работе мы рассмотрели концептосферу женской уральской поэзии на примере творчества двух ярких современных авторов — Майи Никулиной и Нины Ягодинцевой. По нашему мнению, концептосфера состоит из трех пар концептов: «вечность и время», «любовь и смерть», «камень и вода», при этом, последняя пара является основной, так как представляет нераздельность и неслиянность уральского, мужественного, сурового (камень) и женского, трепетного, нежного (вода).

Концепты М. Никулиной и Н. Ягодинцевой представлены большим количеством единиц, разных по структуре: слова, стихотворения, фразы. Сам отбор тех или иных образов — это результат культурной интерпретации мира. Художественные концепты индивидуальны, личностны, это понятия, представления, чувства и эмоции, возникающих при помощи художественной ассоциации.

На основе данных, полученных с помощью статистической обработки сплошной выборки трехсот текстов М. Никулиной и Н. Ягодинцевой, мы описали структуру каждого концепта. Она состоит из ядра (когнитивно-пропозициональный смысл), приядерной зоны (иные лексические репрезентации, его синонимы) и периферии (ассоциативно-образные репрезентации). Ядро и приядерная зона в большей степени отражают общекультурные знания, а периферия — индивидуально-авторское понимание, поэтому нас более всего интересовала соотносимость приядерной и периферийной зон, движение смысла от ядра концепта к его периферии.

Концептосферу уральской поэтической школы мы можем представить в виде схемы:

На ней видно, что концепты «вечность», «время», «смерть» и «любовь» связаны с двумя центральными — «камнем» и «водой», а также взаимодействуют между собой, образуя дополнительные уникальные смыслы.

Вышеописанными парами не исчерпывается концептосфера женской уральской поэзии. За рамками данного исследования остались такие

концепты, как «земля», «огонь», «дом», «семья», «материнство», «война», «Родина», которые также имеют большое значение для поэзии Урала и его культуры в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Художественные тексты

1. Никулина, М. П. Боги устали [Электронный ресурс] : стихи / М. П. Никулина // Урал. — 2014. — №3. — URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2014/3/1n.html> (дата обращения: 15.06.2015).
2. Никулина, М. П. Избранные стихотворения [Текст] / М. П. Никулина // Беседы с Майей Никулиной: 15 вечеров. — Екатеринбург, 2011. — 435-474.
3. Никулина, М. П. Колея [Текст] : стихотворения / М. Никулина. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. — 110 с.
4. Никулина, М. П. Мой дом и сад [Текст] : лирика / вступ. статья В. Огнева. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969. — 56 с.
5. Никулина, М. П. Стихи [Электронный ресурс] / М. П. Никулина // Урал. — 2010. — №11. — URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2010/11/ni2.html> (дата обращения: 15.06.2015).
6. Никулина, М. П. Троя [Электронный ресурс] : стихи / М. П. Никулина // Урал. — 2012. — №5. — URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2012/5/n2.html> (дата обращения: 15.06.2015).
7. Современная уральская поэзия [Текст] : антология / [Ред., сост., электрон. верстка В. Кальпиди]. — Челябинск : Фонд «Галерея», 1996. — 356 с.
8. Современная уральская поэзия 1997-2003 гг. [Текст] : антология / [Сост. В. О. Кальпиди]. — Челябинск : Фонд «Галерея» : Урал. новь, 2003. — 238 с.
9. Современная уральская поэзия 2004-2011 гг. [Текст] : антология / гл. ред. В. О. Кальпиди ; сост. Я. И. Гранте и др. — Челябинск : Десять тысяч слов, 2011. — 351 с.
10. Ягодинцева, Н. А. Избранное [Текст] : стихотворения / Н. Ягодинцева. — Санкт-Петербург : Маматов, 2012. — 333 с.

11. Ягодинцева, Н. А. Мужчина и женщина: азбука жизни [Текст] : стихотворения / Н. А. Ягодинцева, В. Осипов. — Екатеринбург : Старт, 2005. — 208 с.

Научно-критическая литература

12. Абашев, В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики [Электронный ресурс] / В. Абашев. — URL: <http://biblio.litres.ru/vladimir-abashev/russkaya-literatura-urala-problemy-geopoetiki/> (дата обращения: 01.06.2016).

13. Абашева, М. П. Репутация-власть-капитал: стратегии институализации литературного сообщества (об уральской поэтической школе) [Текст] / М. П. Абашева, А. А. Селиванова // Прагматика поэтики: стратегии продвижения регионального текста: сборник статей по материалам научно-практического семинара, Пермь, ПГГПУ / ред. кол. : М. П. Абашева и др., Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. — Пермь, 2014. — С. 14-26.

14. Абашева, М. П. Точки входа: города Урала в «Антологии уральской поэзии» [Текст] / М. П. Абашева, А. И. Серина // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 92. — 2014. — № 23 (352). — С. 115-120.

15. Августин, Н. Исповедь [Текст] / Н. Августин. — М. : Издательство «Ренессанс», СПИВО — Сид, 1991. — 488 с.

16. Аверинцев С. С. Вода [Текст] / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира: энцикл. — М. : 1980. — Т. 1. — С. 240.

17. Адамова, В. С. Художественный концепт как единица творческого процесса в литературоведческом осмыслении [Текст] / В. С. Адамова // Сборник материалов XVIII Международной конференции

студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». — М, 2011. — С. 654-655.

18. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология [Текст] : ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. — Москва : Флинта : Наука, 2010. — 282 с.

19. Ангелова, М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии [Текст] / М. М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. Вып. 3. — 2004. — С. 3-10.

20. Антология современной уральской поэзии [Электронный ресурс] : круглый стол / Д. Кузьмин, Д. Давыдов, Д. Пригов, А. Вознесенский, R. Mckane, D. Weissbort // Уральская новь. — 2004. — №18. — URL: <http://magazines.russ.ru:81/urnov/2004/18/ant16.html> (дата обращения: 30.04.2016).

21. Антология художественных концептов русской литературы XX века [Электронный ресурс] / ред. и авт.-сост. Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан. — М. : ФЛИНТА, 2013. — 356 с.

22. Апресян, Р. Г. Любовь [Электронный ресурс] / Р. Г. Апресян // Новая философская энциклопедия. — URL: <http://iph.ras.ru/elib/1741.html> (дата обращения: 15.02.2016).

23. Аргутина, И. «Книга судеб» уральского поэтического чуда [Электронный ресурс] / И. Аргутина. — URL: https://45parallel.net/kniga_sudeb_uralskogo_chuda (дата обращения: 15.04.2015).

24. Аскольдов, С. Гносеология [Электронный ресурс] : статьи / С. Аскольдов. — URL: <http://flibusta.net/b/351265/read#> (дата обращения 30.01.2015)

25. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст] : учебник / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. — М. : Флинта : Наука, 2004. — 496 с.

26. Баженова, Е. А. М. П. Никулина [Текст] / Е. А. Баженова // Литература Урала: Очерки и портреты : Кн. для учителя / Науч. ред. Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург, 1998. — С. 275-280.
27. Барковская, Н. В. «Околоток античного мира»: образ Крыма в стихах Майи Никулиной [Текст] / Н. В. Барковская // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2014. — № 3 (130). — С. 151-161.
28. Баруздина, С. А. Время как лингвокультурный концепт [Электронный ресурс] / С. А. Баруздина. — URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/093/20.pdf> (дата обращения: 03.03.2016).
29. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. М. Бахтин. — М. : «Художественная литература», 1975. — 504 с.
30. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 423 с.
31. Бердяев, Н. А. Вехи [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. — URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/mirobj/04.html> (дата обращения: 26.09.2015).
32. Бердяев, Н. А. Смысл истории [Текст] / Н. Бердяев. — М. : Мысль, 1990. — 173 с.
33. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества [Текст] / Н. Бердяев. — М. : Изд-во «Правда», 1989. — 608 с.
34. Беспалова, О. В. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Беспалова Ольга Евгеньевна. — СПб, 2002. — 28 с.
35. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : «Норинт», 2000. — 1536 с.

36. Бруно, Дж. О героическом энтузиазме [Текст] / Дж. Бруно ; Пер. с итал. Я. Емельянова ; Пер. стихотворений Ю. Верховского, А. Эфроса ; Предисл. Э. Егерман. — М. : Гослитиздат, 1953. — 212 с.
37. Булгаков, С. Прообраз и образ [Текст] // В 2 т. Т. 1. Свет невечерний / С. Булгаков. — СПб. : ООО «ИНАПРЕСС», М. : «Искусство», 1999, — 416 с.
38. Волкова, В. Б. Концептосфера современной военной прозы [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Волкова Виктория Борисовна. — Екатеринбург, 2014. — 591 с.
39. Волкова, М. «ГУЛ» — реальный поэтический кластер [Текст] / М. Волкова; беседу вела Е. Соловьева // Культура Урала. — 2014. — №7 (23). — С. 48-49.
40. Волкова, М. Поэты живут на Урале [Электронный ресурс] / М. Волкова. — URL: <http://mv74.ru/gul/poety-zhivut-na-urale.html> (дата обращения: 13.05.2015).
41. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании [Текст] : опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. — Краснодар : Техн. ун-т КубГТУ, 2002. — 140 с.
42. Воркачев, С. Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминостистема лингвокультурной концептологии [Текст] / С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. — №12. — С. 50-69.
43. Воробьева, Н. В. Женская проза 1980-2000-х годов: динамика, проблематика, поэтика [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Воробьева Наталья Вадимовна. — Пермь, 2006. — 19 с.
44. Ворожихина, К. Женское и мужское в обществе и культуре [Электронный ресурс] / К. Ворожихина. — URL: <http://razumru.ru/humanism/journal/50/vorozhikhina.htm> (дата обращения: 14.02.2016).

45. Гайденко, П. П. Смерть [Электронный ресурс] / П. П. Гайденко // Новая философская энциклопедия. — URL: <http://iph.ras.ru/elib/2763.html> (дата обращения: 15.02.2016).
46. Гегель, Г. В. Ф. Любовь [Текст] / Г. В. Ф. Гегель // Эстетика : в 4 т. Т 2. — М., Издательство «Искусство», 1969. — С. 247-281.
47. Голованова, Е. И. Локальные стилевые особенности уральского художественного текста [Текст] / Е. И. Голованова // Жанровые трансформации в литературе и фольклоре / Т. Н. Маркова, И. А. Голованов, Н. Э. Сейбель [и др.]; под общ. ред. Т. Н. Марковой. — Челябинск, 2012. — С. 34-57.
48. Голованова, И. С. Художественный концепт «вино» в русской поэзии XVIII века: 30-90 гг. XVIII в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / Ирина Сергеевна Голованова. — Самара, 2007. — 18 с.
49. Гуляева, Г. Е. Концептуализация неба и небесных тел в рок-поэзии (на материале текстов К. Кинчева и В. Цоя) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Гуляева Галина Евгеньевна. — Екатеринбург, 2009. — 22 с.
50. Гуревич, А. Категории средневековой культуры [Электронный ресурс] / А. Гуревич. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Gurev/04.php 84 (дата обращения: 24.09.2015).
51. Дворецкая, Е. В. Проблема смерти в русской религиозной философии [Текст] / Е. В. Дворецкая // Тема смерти в духовном опыте человечества. Альманах «Фигуры Танатоса», Третий специальный выпуск. Материалы первой международной конференции, С.-Петербург, 2-4 ноября 1993 г. — СПб. : Издательство СПбГУ, 1993. — С. 86-89.
52. Декарт, Р. Страсти души [Текст] / Р. Декарт // Сочинения в 2 т. Т. 1 — М., Мысль, 1989. — С. 481-572.

53. Дзюба, Е. В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М. И. Цветаевой [Текст] / Е. В. Дзюба // Политическая лингвистика. Вып. № 15. — 2005. — С. 181-189.

54. Емельянова, А. И. Концептосфера художественного мира Р. М. Рильке (на материале цикла рассказов «истории о Господе Боге») [Текст] : дис. ... канд. филол. наук :10.02.19 / Емельянова Анна Ивановна. — Армавир, 2015. — 208 с.

55. Ефремов, В. А. Теория концепта и концептуальное пространство [Текст] / В. А. Ефремов // Изв. Российск. гос. педагогического ун-та им. А. И. Герцена. — 2009. — №104. — С. 96-106.

56. Жадлун, М. И. Воплощение идеи «ВОДА-ВРЕМЯ» в поэзии М. И. Цветаевой / М. И. Жадлун // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». — Т. 27 (66) — №1. — Ч. 1. — С. 222-226.

57. Женское письмо [Текст] : материалы коллоквиума / сост. А. Белобратов, И. Потехина. — СПб.: Издательство «Петербург — XXI век», 2005. — 155 с.

58. Жукова, О. Таинство и волшебство: ночь в произведениях русских классиков [Текст] / О. Жукова // Ночь: закономерности, ритуалы, искусство: Вып. 3 / ред.-сост. Е. В. Дуков. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. — С. 271-283.

59. Загидуллина, М. В. Жизнь поэзии в информационном пространстве как диалог: от УПШ 1.0 к УПД 3.0 [Текст] / М. В. Загидуллина // Вестн. Челябинского гос. уни-та. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 92. — 2014. — № 23 (352). — С. 139-145.

60. Загидуллина, М. В. Поэзия на путях преодоления аутизма [Текст] / М. В. Загидуллина // Прагматика поэтики: стратегии продвижения регионального текста: сборник статей по материалам научно-практического семинара, Пермь, ПГГПУ / ред. кол. : М. П. Абашева и др., Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. — Пермь, 2014. — С. 4-13.

61. Закурдаева, Н. В. Концептосфера поэзии В. С. Высоцкого: аксиологические и экзистенциальные концепты [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Закурдаева Наталья Вячеславовна. — Орел, 2003. — 23 с.
62. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001. — С. 36-45.
63. Зусман, В. Г. Диалог и концепт в литературе [Текст] / В. Г. Зусман. — Н. Новгород : Деком, 2001. — 167 с.
64. Зусман, В. Г. Ключевые концепты австрийского культурного мира. Постановка проблемы [Текст] / В. Г. Зусман // Вест. Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н. А. Добролюбова. — 2010. — №10. — С. 152-158.
65. Зусман, В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания [Текст] / В. Г. Зусман // Вопр. лит. — 2003. — №2. — С. 3-29.
66. Ивкин, С. Соответствия в пейзаже [Электронный ресурс] / С. Ивкин. — URL: <http://litteratura.org/1103-sergey-ivkin-sootvetstviya-v-peyzazhe.html> (дата обращения: 12.05.2015).
67. Изварина, Е. «Я знаю, как течет вода...» [Электронный ресурс] / Е. Изварина. — URL: http://www.chelglobus.ru/literature/new_books/flow3.html (дата обращения: 06.07.2015).
68. Измайлова, Е. А. Изучение концепта «любовь» на уроке литературы в старших классах (на примере лирики М. И. Цветаевой) [Электронный ресурс] / Е. А. Измайлова. — URL: <http://sibac.info/conf/pedagog/i/35258> (дата обращения: 20.04.2016).
69. Истомина, И. Ночь в языковой картине мира носителей православной культуры [Текст] / И. Истомина // Ночь: закономерности, ритуалы, искусство: Вып. 3 / ред.-сост. Е. В. Дуков. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. — С. 467-475.

70. Казарин, Ю. В. Поэзия и литература [Текст] : книга о поэзии / Ю. В. Казарин. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011. — 168 с.
71. Казарин, Ю. В. Беседы с Майей Никулиной: 15 вечеров [Текст] / Ю. В. Казарин. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011. — 475 с.
72. Кальпиди, В. От составителя [Электронный ресурс] / В. Кальпиди. — URL: http://www.marginaly.ru/html/Antologia_2/01_sostavitel.html (дата обращения: 16.01.2015).
73. Кальпиди, В. Провинция как феномен культурного сепаратизма (лирическая реплика) [Электронный ресурс] / В. Кальпиди. — Уральская новь. — 2000. — №1. — URL: <http://magazines.russ.ru/urnov/2000/1/otklik.html> (дата обращения: 16.01.2015)
74. Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. — М. : Наука, 1981. — 366 с.
75. Кардапольцева, В. Н. Женские лики России [Текст] / В. Н. Кардапольцева. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2000. — 160 с.
76. Касюк, Н. С. Языковая объективация концептов «время» и «пространство» в поэзии О. Мандельштама / Н. С. Касюк // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г. : в 2 ч. / редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2006. — Ч. 1. — С. 258–261.
77. Конарева, Н. Н. Метафорическая репрезентация художественного концепта любовь в поэтическом дискурсе М. Цветаевой [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Конарева Наталья Николаевна. — Иваново, 2010. — 19 с.

78. Концептный метод на уроках литературы [Текст] // Технологии и методики обучения литературе: учебное пособие для бакалавров / [В. А. Коханова и др.] ; под ред. В. А. Кохановой. — М. : Флинта : Наука, 2011. — С. 183-191.

79. Красовская, Н. В. Художественный концепт: методы и приемы исследования [Текст] / Н. В. Красовская. — Изв. Саратовского ун-та. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 6. — 2009. — С. 421-425.

80. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Филол. фак. МГУ, 1996. — 245 с.

81. Кругляшова, В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора [Текст] : Учеб. пособие по спецкурсу для филол. фак. / МВ и ССО РСФСР. Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Свердловск : Уральск. ун-т, 1974. — 168 с.

82. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — С. 90.

83. Ладейщиков, А. С. Писатели Урала [Текст] : Библиогр. справочник / Сост. А. С. Ладейщиков ; Гос. публичная б-ка им. В. Г. Белинского. — Свердловск : Свердл. обл. гос. изд-во, 1949. — 100 с.

84. Литературное краеведение [Текст] : учеб. пособие / под ред. проф. В. А. Михнюкевича. — Челябинск : Абрис, 2006. — 112 с.

85. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Очерки по философии художественного творчества. — СПб, 1999. — С. 147-165.

86. Лотман, М. Ю. Смерть как проблема сюжета [Электронный ресурс] / М. Ю. Лотман. — URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/LOTMAN06.HTM> (дата обращения: 23.12.2015).

87. Лукьянин, В. П. Прогулки по Екатеринбургу [Текст] / В. Лукьянин, М. Никулина. — Екатеринбург : Банк культур. информ., 1998. — 173 с.
88. Лысенко, В. Г. Время [Электронный ресурс] / В. Г. Лысенко, П. П. Гайденко, А. В. Смирнов // Новая философская энциклопедия. — URL: <http://iph.ras.ru/elib/0669.html> (дата обращения: 15.02.2016).
89. Лягушкина, Н. В. К вопросу о формировании базовых концептов: время и движение [Текст] / Н. В. Лягушкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2012. — №1 (12). — С. 104-108.
90. Малышева, Е. Г. Концепты жизни и смерти в поэтической картине мира В. Ходасевича [Текст] / Е. Г. Малышева // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1. — Омск, 2000. — С. 131-142.
91. Маркова, Т. Н. Культуртрейгерский проект В. Кальпиди в Челябинске [Текст] / Т. Н. Маркова // Прагматика поэтики: стратегии продвижения регионального текста: сборник статей по материалам научно-практического семинара, Пермь, ПГГПУ / ред. кол. : М. П. Абашева и др., Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. — Пермь, 2014. — С. 26-31.
92. Маркова, Т. Н. Песня об Урале [Текст] : очерк творчества Людмилы Татьянической / Т. Н. Маркова. — Челябинск : Энциклопедия, 2015. — 172 с.
93. Маркова, Т. Н. Творчество Л. Татьянической и его связи с советской поэзией 30-70-х годов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Маркова Татьяна Николаевна. — М., 1983. — 25 с.
94. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой [Текст] : учеб. пособие / В. А. Маслова. — М. : Флинта : Наука, 2004. — 256 с.

95. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. — 3 изд., репр. — Москва : Восточная литература, 2000. — С. 171-177.
96. Миллер, Л. В. Художественная картина мира и мир художественных текстов [Текст] / Л. В. Миллер. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 156 с.
97. Морозов, Д. Египетская мифология [Электронный ресурс] / Д. Морозов. — URL: <http://www.mythology.ru/egypt.htm> (дата обращения: 15.02.2016).
98. Никулин, Д. В. Вечность [Электронный ресурс] / Д. В. Никулин, А. В. Смирнов // Новая философская энциклопедия. — URL: <http://iph.ras.ru/elib/0602.html> (дата обращения: 15.02.2016).
99. Новокрещенова, И. Л. Понятие «концепт» и его востребованность в современном литературоведении [Текст] / И. Л. Новокрещенова // Вестн. ВГУ. Сер. Филология, Журналистика. — 2007. — №1. — С. 77-82.
100. Образ мира в зеркале языка [Электронный ресурс] : сб. научных статей / отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. — М. : ФЛИНТА, 2014. — 568 с.
101. Парщиков, А. Треугольник Урала [Электронный ресурс] / А. Парщиков. — URL: <http://abursh.sytes.net/Marginaly/Parschikov.htm> (дата обращения: 04.08.2015).
102. Петрушкин, А. Чертольня — миф, который обрел плоть [Электронный ресурс] / А. Петрушкин. — URL: <http://www.gazetachel.ru/razdel.php?razdel=21&id=4311> (дата обращения: 04.05.2015).
103. Подлубнова, Ю. С. Уральская поэтическая школа: отражение в литературной критике и публицистике [Текст] / Ю. С. Подлубнова // Журналистика в 2013 году: регионы в российском медиапространстве. Сборник материалов международной научно-практической конференции

(Москва, 7-9 февраля 2014 г.). — М.: МедиаМир; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. — С. 306-307.

104. Полехина, М. М. Репрезентация концепта в поэтическом творчестве Марины Цветаевой [Текст] / М. М. Полехина. // *Polilog Studia Neofilologiczne*. — Nr 2. — Slupsk: Akademia Pomorska w Slupsku, 2012. — С. 107- 115.

105. Понятие «концепт», его сущность, границы и целесообразность применения при анализе художественного произведения (стенограмма заседания филолого-методического семинара «Третье литературоведение») [Текст] / Сост. Б. В. Орехов // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. — 2008. — №4. — С. 87-98.

106. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] : Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин.— Воронеж : Изд-во «Истоки», 2007. — 250 с.

107. Попова, Л. В. Подходы к определению концепта [Текст] / Л. В. Попова // *Вест. Челябинского гос. педагогического ун-та*. — 2013. — №4. — С. 309-316.

108. Предания и легенды Урала : Фольклор. рассказы [Текст] / Сост., вступ. слово и коммент. В. П. Кругляшовой; Иллюстрации Г. С. Метелева. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991. — 286 с.

109. Продвижение проекта «ГУЛ» [Электронный ресурс]. — URL: <http://mv74.ru/gul/prodvizhenie-proekta-gul.html> (дата обращения: 22.12.2015).

110. Расторгуев, А. Ориентирование на местности [Электронный ресурс] // *Урал*. — 2012. — №9. — URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2012/9/r10.html> (дата обращения: 28.10.2015).

111. Ренз, Т. Е. Лингвориторический подход к исследованию концепта поэтического текста как системе этнокультурных представлений языковой личности продуцента и реципиента [Текст] / Т. Е. Ренз,

Г. И. Немец. — Europeanresearcher. Series A. — 2010. — № 2 (2). — С. 198-202.

112. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве [Текст] : сборник / Акад. наук СССР, Науч. совет по истории мировой культуры, Комис. комплексного изучения художественного творчества ; [редкол.: Б. Ф. Егоров (отв. ред.), Б. С. Мейлах, М. А. Сапаров]. — Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1974. — 298 с.

113. Розанов, В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства [Текст] / В. В. Розанов. — СПб. : 1913. — 306 с.

114. Розанов, В. В. Русская церковь [Электронный ресурс] / В. В. Розанов. — URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1906_russkaya_tzerkov.shtml (дата обращения: 22.12.2015).

115. Розин, В. М. Смерть как феномен философского осмысления (культурно-антропологический и эзотерический аспекты) [Текст] / В. М. Розин // Общественные науки и современность. — 1997. — № 2. — С. 170-180.

116. Рубенис, А. Сущность любви — тема философского размышления [Текст] / А. Рубенис // Философия любви. — М., 1990. — Т 1. — С. 205-230.

117. Рубинский, К. О творчестве [Текст] / К. Рубинский // Избранное / Н. Ягодинцева. — М., 2012. — С. 13-14.

118. Русская философия смерти [Текст] : антология / [сост. К. Г. Исупова]. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2014. — 662 с.

119. Саввиных, М. Ангелы Че и его окрестностей [Текст] / М. Саввиных // День и Ночь. — 2013. — № 1. — С. 25.

120. Санников, А. Уральская поэтическая школа: да твою маман! Типа круглый стол [Электронный ресурс] / А. Санников, А. Петрушкин. —

URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=6219> (дата обращения: 18.04.2015).

121. Сейбель, Н. Э. Поэтика австрийского романа 20-30-х годов XX века [Текст] : автореферат дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / Сейбель Наталия Эдуардовна. — Челябинск, 2007. — 38 с.

122. Сергеева, Е. В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте [Текст] / Е. В. Сергеева. — Вестн. ТГПУ. Вып. 5(56). Сер. Гуманитарные науки (Филология). — 2006. — С. 98-103.

123. Сидякина, А. Издательский проект «ГУЛ» (опыт формирования читательской аудитории внутри и вне Уральского региона) [Текст] / А. Сидякина // Вещь: литературный журнал. — №2 (10). — 2014. — С. 72-74.

124. Снигирева, Т. А. «Уральский звукоряд» поэзии Александра Вавилова [Электронный ресурс] / Т. А. Снигирева. — URL: <http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1914> (дата обращения: 20.04.2016).

125. Соловьев, В. С. Смысл любви [Электронный ресурс] / В. С. Соловьев. — URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv21.htm> (дата обращения: 20.01.2016).

126. Стендаль. О любви [Электронный ресурс] / Стендаль. — URL: http://az.lib.ru/s/stendalx/text_0040.shtml (дата обращения: 04.04.2016).

127. Степанов, Ю. С. Константы [Текст] : Слов. рус. культуры : Опыт исслед. / Ю. С. Степанов. — М. : Яз. рус. культуры, 1997. — 824 с.

128. Тарасова, И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте [Электронный ресурс] : монография / И. А. Тарасова. — 2-е изд., перераб. — М. : ФЛИНТА, 2012. — 196 с.

129. Тарасова, И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения [Текст] / И. А. Тарасова // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — №4 (2). — С. 742-745.

130. Тетерина, Ю. Ф. К вопросу о смерти как лингвокультурном концепте [Текст] / Ю. Ф. Тетерина // Ярославский педагогический вестник. — 2006. — №4 (49). — С. 31-33.

131. Топоров В. Н. Гора [Текст] / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: энцикл. — М. : 1980. — Т. 1. — С. 311-315.

132. Трессидер, Д. Словарь символов [Электронный ресурс] / Д. Трессидер. — http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.php (дата обращения: 01.02.2016).

133. Уральская поэтическая школа [Текст] : энциклопедия / гл. ред. В. О. Кальпиди. — Челябинск : Издательская группа «Десять тысяч слов», 2012. — 447 с.

134. Федоров, Н. Ф. В чём наша задача? [Электронный ресурс] / Н. Ф. Федоров. — URL: <http://vzms.org/delo.html> (дата обращения: 14.02.2016).

135. Федяй, Д. С. Маскировка и демаскировка темы смерти и умирания средствами языка [Текст] / Д. С. Федяй // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов, 2013. — № 12 (38) — Ч. 1. — С. 200-203.

136. Философия любви [Текст] : в 2 т. / под общ. ред. Д. П. Горского; сост. А. А. Ивин.— М.: Политиздат, 1990. — Т. 1. — 1990. — 510 с.

137. Фомина, В. Н. Ягодинцева Нина Александровна [Текст] : статья / В. Н. Фомина // Энциклопедия «Челябинск». — Челябинск : «Каменный пояс», 2001. — С. 1033.

138. Широкова, Е. В. Эстетико-поэтические эксперименты в русской женской прозе конца XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Широкова Елена Викторовна. — М., 2004. — 20 с.

139. Шишов, К. Избранница муз [Текст] / К. Шишов // Большая Медведица. — 2013. — март. — № 1 (34). — С. 11.
140. Шишхова, Н. М. Концепт смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» [Текст] / Н. М. Шишхова // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. — 2011. — №3. — С. 76-80.
141. Эрос и Танатос [Текст] // Психоанализ : учебник для бакалавриата и магистратуры / М. М. Решетников, С. В. Авакумов, Ю. А. Баранов. — М., 2016. — С. 99-100.
142. Ягодинцева Нина Александровна [Электронный ресурс]. — URL: http://chgik.ru/ftkt_rtpu_yagodinцева (дата обращения: 30.05.2016).
143. Ягодинцева, Н. Культурный код, система допусков [Электронный ресурс] / Н. Ягодинцева; беседу вела С. Тирская // Алтайская правда. — URL: http://ap22.ru/paper/paper_10010.html (дата обращения: 08.05.2015).
144. Ягодинцева, Н. Наш разговор плывёт как пламя [Текст] / Н. Ягодинцева; беседу вел О. Синицын // Факты недели. Южный Урал. — 2012. — 19 апреля. — № 15 (266). — С. 4 (18).
145. Ягодинцева, Н. По невидимому лекалу [Текст] / Н. Ягодинцева; беседу вела В. Шиятая // Возрождение Урала. — 2012. — декабрь. — № 44. — С. 6.
146. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е. С. Яковлева. — М. : Издательство «Гнозис», 1994. — 344 с.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Литературная гостиная

Тема: «Творчество уральских поэтесс М. Никулиной и
Н. Ягодинцевой»

Цели:

1) Предметные:

- дать представление о литературных процессах, протекающих на Урале;
- познакомить школьников с биографиями и творчеством уральских поэтов; — воспитать интерес к литературе родного края.

2) Метапредметные:

- планировать способы и пути достижения учебных и прикладных целей;
- выбирать наиболее эффективные способы решения учебных и познавательных задач;
- оценивать правильность выполнения учебных и иных задач;
- уметь работать с различными источниками информации;
- владеть информационно-коммуникационными технологиями получения и обработки информации;
- применять ИКТ-компетенции для решения учебных задач и задач прикладного характера;
- работать в группе по решению учебных задач.

3) Личностные:

- воспитание патриотизма и любви к родному краю;
- воспитание чувства ответственности за развитие своего родного края;
- готовность к самообразованию и саморазвитию;
- обучение навыкам коммуникативной компетентности.

Оборудование: мультимедийный проектор, презентация, выставка книг (сборники стихотворений М. Никулиной и Н. Ягодинцевой, три тома антологии «Современная уральская поэзия», энциклопедия «Уральская поэтическая школа»), видеозаписи М. Никулиной и Н. Ягодинцевой. Кабинет украшен фотографиями и рисунками уральской природы, сделанными учениками.

Предварительное домашнее задание: Ученики делятся на три группы, каждая из которых готовит выступление и небольшую презентацию. Первая группа заранее готовит краткую характеристику уральской поэтической школы (создатель, время возникновения, имена). Вторая и третья группы готовят выступления о М. Никулиной и Н. Ягодинцевой (биография, поэтические сборники, выразительное чтение стихотворений).

Список рекомендуемых источников для самостоятельной подготовки

1. Антология современной уральской поэзии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.marginaly.ru/index.html>.
2. Баженова Е. А. М. П. Никулина // Литература Урала: Очерки и портр.: Кн. для учителя / Науч. ред. Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург, 1998. — С. 275-280.
3. Барковская Н. В. «Околото́к античного мира»: образ Крыма в стихах Майи Никулиной // Известия уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. Т. 130. — №3. — 2014. — С. 151-161.
4. Живя меж облаками и людьми : Буклет о творчестве Нины Ягодинцевой. Сост. В. В. Мииль // ГКУК «Челябинская областная юношеская библиотека». — 2012. — 6 с.
5. Казарин, Ю. В. Беседы с Майей Никулиной: 15 вечеров [Текст] / Ю. В. Казарин. - Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011. — 473 с.

6. Казарин, Ю. В. Душа права и смерти в жизни нет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://book.uraic.ru/kraeved/02/002.htm>.
7. Майя Никулина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://new.vk.com/mayanikulina>.
8. Современная уральская поэзия : Антология / [Ред., сост., электрон. верстка В. Кальпиди]. — Челябинск : Фонд «Галерея», 1996. — 356 с.
9. Современная уральская поэзия 1997-2003 гг. : Антология / [Сост. В. О. Кальпиди]. — Челябинск : Фонд «Галерея» : Урал. новь, 2003. — 238 с.
10. Современная уральская поэзия 2004-2011 гг. : [антология / гл. ред. В. О. Кальпиди ; сост. Я. И. Грантс и др.]. — Челябинск : Десять тысяч слов, 2011. — 351 с.
11. Уральская поэтическая школа : энциклопедия / гл. ред. В. О. Кальпиди. — Челябинск: Издательская группа «Десять тысяч слов», 2012. — 447 с.
12. Фомина, В. Н. Ягодинцева Нина Александровна : Статья // Энциклопедия «Челябинск». — Челябинск : «Каменный пояс», 2001. — С. 1033.
13. Ягодинцева Нина Александровна [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://chgik.ru/ftkt_rtp_p_yagodinceva.

Ход урока.

1. Организационный момент.

2. Введение в тему.

Учитель: Прослушайте стихотворение и ответьте на вопросы: кто его автор и о чем оно?

Учитель читает вслух стихотворение, на слайде появляется его текст.

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.
Как девочки,
Сосны босые
Сбегают с заснеженных скал.

В лугах,
На ковровых просторах,
Среди плодоносных полей,
Лежат голубые озёра
Осколками древних морей.

Богаче, чем краски рассвета,
Светлее, чем звёздный узор,
Земные огни самоцветов
В торжественном сумраке гор.

Я сердцем всё это вбирала,
Свой край полюбив навсегда.
Но главная сила Урала —
В чудесном искусстве труда.

Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.

Мне дороги лица простые
И руки, что плавят металл.
... Когда говорят о России,

Я вижу свой синий Урал.

Правильный ответ — это стихотворение Людмилы Константиновны Татьяничевой, известной русской поэтессы, чья жизнь и творчество навсегда связано с Уралом. В стихотворении она выразила те чувства, которые в ней пробуждали природа Урала и его люди.

3. Актуализация читательских впечатлений (беседа).

Ребята, скажите, какие еще имена уральских писателей и поэтов вам известны? Какие их произведения вам особенно запомнились?

На слайде — фотографии уральских пейзажей и крупных городов.

Творчество уральских писателей обращено к общечеловеческим проблемам и вопросам, но при этом передает неповторимый дух родного края. Многие имена наших литераторов известны не только в нашем крае, но и всей стране и за ее пределами.

4. Введение темы урока.

На слайде — тема литературной гостиной.

5. Цели урока.

Сегодня на уроке мы познакомимся с явлением под названием «уральская поэтическая школа», а также его представительницами и их творчеством — Майей Петровной Никулиной и Ниной Александровной Ягодинцевой. Предлагаю вам по ходу литературной гостиной, во время чтения стихотворений, записывать себе в тетрадь строки, которые вызвали у вас какие-нибудь эмоции: удивление, восхищение, несогласие и др.

6. Уральская поэтическая школа.

Слово предоставляется первой группе, которая нам расскажет о том, что такое уральская поэтическая школа, кто является ее основателем, и каких поэтов мы можем причислить к этому движению?

Выступление первой группы.

Давайте поблагодарим первую группу за хорошее и понятное выступление, и акцентируем наше внимание еще раз на нескольких важных деталях. Какие основные признаки уральской поэтической школы

вы можете назвать? Когда она возникла? Назовите три «столицы» уральской поэтической школы?

7. Творчество Майи Никулиной.

На слайде – портрет М. Никулиной.

В уральскую поэтическую школу входит несколько поколений авторов. Давайте познакомимся с представителем «старшего» поколения — екатеринбургской поэтессой Майей Петровной Никулиной. Сначала предоставим слово ей самой.

На экране – видеозапись: М. Никулина читает стихотворение «Сохнет на камне соль...».

Сохнет на камне соль,
море о берег бьет.
В сердце такая боль,
будто уходит флот.

Парусный, молодой,
яростный, как тоска,
выпростав над водой
белые облака.

Просто глядеть вперед
с легкого корабля.
Он — еще весь полет,
мы — уже все земля.

Нами уже стократ
вычерпаны до дна
суть и цена утрат.
Только теперь догнал

юный несмертный грех —
все мы в урочный час
недолюбили тех,
что провожали нас.

А теперь ребята из второй группы расскажут об этом удивительном человеке нам поподробнее.

Вторая группа представляет биографию М. Никулиной.

Спасибо второй группе за интересный доклад. А теперь вопрос к аудитории: назовите два основных места в жизни Майи Никулиной? Чему посвящены непоэтические произведения М. Никулиной?

Ребята, давайте послушаем одно из стихотворений Майи Никулиной. Подумайте, о чем это стихотворения? Какие географические наименования есть в произведении и где находятся эти места? Почему не все перечисленные места подходят лирической героине для жизни?

Один из школьников выразительно читает стихотворение «Бежать куда глаза глядят...». На слайде – текст произведения.

Бежать куда глаза глядят
и там
прийти в себя в заобморочном месте —
в Уруке, Фамагусте или Фесте —
уже не тянет и не по годам.

А тянет помнить и благодарить
и отпускные сроки проводить
в садово-огородной благодати,
купить шесть соток где-нибудь на Гати,
а если не получится купить,
проситься на посуточный постой
не далее Исети и Сысерти,
сознательно потворствуя одной

привычке проживать по месту смерти.

Стихотворение посвящено родному краю, без которого лирическая героиня не представляет своей жизни. В произведении перечислены различные древние города — Урук, Фамагуст, Фест — но они «не по годам». Им противопоставлена уральская местность: Гать — поселок в Верхнепышминском районе Свердловской области, Исеть и Сысерть — две уральские реки.

7. Творчество Нины Ягодинцевой.

На слайде – портрет Н. Ягодинцевой.

В Челябинске тоже живет много талантливых поэтесс, например, Нина Ягодинцева. Она не только пишет стихи, но и увлекается фотографией, а еще играет на гитаре. Сейчас мы с вами послушаем стихотворение «Человек человеку — такая печаль...», положенное на музыку, в авторском исполнении под гитару.

Просмотр видеоролика.

Приглашаю третью группу рассказать нам о биографии Нины Александровны.

Третья группа представляет биографию Н. Ягодинцевой.

Вот такой мы увидели Нину Ягодинцеву благодаря ребятам из третьей группы, спасибо! А теперь небольшой вопрос для остальных: Какие названия стихотворных сборников Н. Ягодинцевой вам запомнились? Чем занимается поэтесса кроме поэзии?

Настало время для прослушивания стихотворения Н. Ягодинцевой. Ребята, когда будете слушать, обратите внимание на географические названия. Где находятся эти места? Чем они дороги поэтессе?

Один из школьников выразительно наизусть стихотворение «Музыка моя, Ирмель тоски...». На слайде — текст произведения.

Музыка моя, Ирмель тоски,
Кисловатая карамель высот,
Даже если гибель и не спасти —

Все равно спасет.

Даже если смотришь издалека.
Даже если просто помнишь — и все,
Будет рядом музыка и тоска,
И спасет.

Ах, сметало ж небо к зиме стога
Для спасенья наших голодных душ —
Иремель, Зюраткуль да Зигальга,
Таганай, Нургуш...

Караваны лет, череда веков,
Гиблой юности золотая скань —
Все к ногам твоим! Чтобы встать легко,
Если скажешь “Встань!”

Обжигая губы об имена,
Не позаришься на чужую ложь.
Три глотка спасительных: «Ро-ди-на» —
И опять живешь.

Ребята, какие географические места вы слышали и где они находятся? Иремель — одна из вершин Уральских гор; Зюраткуль — высокогорное озеро; Зигальга, Таганай, Нургуш — горные хребты. Их объединяет то, что все они находятся на Южном Урале. Давайте подумаем, о чем это стихотворение? Природа родного края дает лирической героине силы для жизни и вдохновения.

8. Итоги литературной гостиной.

Давайте подведем итоги нашей встречи. Что такое «уральская поэтическая школа»? Что может объединять разных поэтов? Взгляните

еще раз на фотографии и картины Урала, которые вы принесли. Какие чувства вы испытываете, глядя на родную природу? Почему родные места вдохновляют людей?

9. Рефлексия.

Ребята, напишите на листочках, какие строки вы выписали к себе в тетрадь? Кратко поясните свой выбор.